

на основаніи котораго былъ принятъ Буальскій въ число вольныхъ слушателей I курса С.-Петербургской Академіи.

XVII. Прошеніе Секретаря Ярославскаго епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія Николая Берсенева:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской духовной Академіи позволить мнѣ искать степени кандидата на основаніяхъ устава 1884 года, и, въ случаѣ позволенія, зачесть поданныя мною 5 семестровыхъ сочиненій и двѣ проповѣди, а равно и выдержанные мною экзамены по предметамъ I курса, дозволивъ такимъ образомъ представить 4 семестровыхъ сочиненія, 2 проповѣди и кандидатскую диссертацию и сдать экзамены по тѣмъ предметамъ, по которымъ они не сданы были мною. При семъ честь имѣю заявить, что я желалъ-бы держать устные испытанія со студентами словеснаго отдѣленія“.

Справка: Совѣтъ Академіи, заслушавъ въ собраніи своемъ отъ 31 января сего года прошеніе П. Берсенева, постановилъ: въ просьбѣ бывшему студенту 2 курса Академіи П. Берсеневу о предоставленіи ему права искать степень кандидата богословія на началахъ устава духовныхъ академій 1869 года отказать, такъ какъ означенный уставъ замѣненъ Высочайше утвержденнымъ 20-го апрѣля 1884 года новымъ уставомъ, согласно съ которымъ онъ обязанъ подать 9 семестровыхъ сочиненій и 4 проповѣди.

Опредѣлили: Предоставить Николаю Берсеневу право искать степень кандидата богословія съ обязательствомъ въ теченіе настоящаго и будущаго годовъ подать 4 семестровыхъ сочиненія, 2 проповѣди, сдать экзамены по общеобязательнымъ и специальнымъ предметамъ II-го, III-го и IV-го курсовъ и представить кандидатскую диссертацию; семестровыя сочиненія должны быть написаны по тѣмъ предметамъ, по которымъ даны были темы студентамъ настоящимъ II-го и III-го курсовъ.

XVIII. Разсуждали: А) О назначеніи премій изъ процентовъ съ капиталовъ, поступившихъ по завѣщаніямъ. а) покойнаго Митрополита Московскаго Макарія—за лучшія сочиненія наставниковъ Академіи и лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи и б) покойнаго Епископа Курскаго Михаила—за лучшіе печатные труды по Св. Писанію наставниковъ и воспитанниковъ Академіи.

Справка: 1) Въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта Академіи имѣются слѣдующія преміи а) четыре преміи изъ процентовъ съ капитала покойнаго митрополита Макарія: одна въ

500 руб. и одна въ 250 руб.—за лучшія сочиненія наставниковъ Академіи и двѣ, по 300 руб. каждая, за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи и б) двѣ преміи съ капитала покойнаго Епископа Курскаго Михаила—одна въ 247 руб. 80 к. и одна въ 221 руб. 2) Въ собраніи Совѣта Академіи отъ 31 января текущаго года на соисканіе премій представлены были сочиненія: экстраординарнаго профессора Академіи Николая Каптерева: „Сношенія Іерусалимскаго патріарха Досіоея съ русскимъ правительствомъ“ (Москва, 1891 г.), доцента Николая Заозерскаго: а) „Историческое обозрѣніе источниковъ права Православной Церкви. Выпускъ I (каноническіе источники)“. Москва, 1891 г., б) „О священной и правительственной власти и о формахъ устройства православной церкви“. Москва, 1891 г. и доцента Александра Жданова: „Откровеніе Господа о семи азійскихъ церквахъ (опытъ изъясненія первыхъ трехъ главъ Апокалипсиса)“. Москва 1891 г.; на соисканіе премій за лучшія магистерскія сочиненія признано право за доцентами: Алексѣемъ Введенскимъ, Александромъ Голубцовымъ, Николаемъ Глубоковскимъ и чиновникомъ при Главномъ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Сергѣемъ Бѣлокуровымъ. 3) По § 13 утвержденаго Св. Синодомъ положенія о преміяхъ покойнаго Митрополита Макарія, въ мартовскомъ засѣданіи Совѣта Академіи „происходитъ обсужденіе достоинствъ представленныхъ на премію сочиненій и присужденіе самыхъ премій“. 4) По § 15 того же положенія: „въ томъ-же засѣданіи Совѣта рѣшается вопросъ, какое изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, заслуживаетъ премію“. 5) По § 9 положенія о преміяхъ покойнаго Епископа Курскаго Михаила — „въ мартовскомъ засѣданіи Совѣта происходитъ обсужденіе достоинства сочиненій, представленныхъ на соисканіе преміи, и присужденіи преміи“. 6) По § 11 того-же положенія: „Премія, оставшаяся отъ предъидущаго года, можетъ быть соединена, по усмотрѣнію Совѣта, съ премією текущаго года и составившаяся изъ двухъ премій сумма можетъ быть присуждена за одно сочиненіе, но болѣе 500 рублей не можетъ быть назначено въ премію за сочиненіе“.

Опредѣлили 1) Полную премію, въ 500 руб., Митрополита Московскаго Макарія назначить доценту Николаю Заозерскому, а половинную, въ 250 руб.,—экстраординарному профессору Николаю Каптереву; доценту Александру Жданову назначить болѣшую премію покойнаго Епископа Курскаго Михаила въ размѣрѣ 247 руб. 80 коп., а меньшую премію въ 221 руб. отложить до

слѣдующаго года. 2) Двѣ преміи покойнаго митрополита Макарія, по 300 руб. каждая, назначить доцентамъ: Алексѣю Введенскому за сочиненіе: „Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія. Положительное рѣшеніе вопроса въ связи съ историко-критическимъ изученіемъ его въ текущемъ столѣтіи“. Москва, 1891 г. и Александрю Голубцову за сочиненіе: „Пренія о вѣрѣ, вызванныя дѣломъ Королевича Вальдемара и Царевны Ирины Михайловны“. Москва, 1891 г. 3) Миѣніе сіе, на основаніи §§ 3 и 16 утвержденныхъ Св. Синодомъ положеній о преміяхъ, благопочтительнѣйше представить на Архiepiscopальское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высочайшаго Преосвященства.

В) О вызовѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ составъ новаго (LI) академическаго курса и о назначеніи предметовъ повѣрочнаго испытанія.

Справка: 1) § 109 устава духовныхъ академій: „Совѣтъ Академіи предъ началомъ академическаго года, по расчисленіи, сколько изъ каждой семинаріи предполагается нужнымъ вызвать лучшихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса, представляетъ, въ опредѣленномъ по § 81 порядкѣ, Святѣйшему Синоду о вызовѣ таковыхъ въ Академію и вмѣстѣ съ симъ объявляетъ объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ Академію для желающихъ поступить въ оную“. 2) По опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 4 мая—3 іюня 1887 года для каждаго курса Академіи положено по 30 казенныхъ вакансій. 3) По § 81 лит. а п. I устава духовныхъ академій, назначеніе предметовъ повѣрочнаго испытанія при приѣмѣ въ студенты Академіи относится къ дѣламъ Совѣта Академіи, окончательнѣйше рѣшаемымъ самимъ Совѣтомъ.

Опредѣлили: Въ составъ новаго академическаго курса вызвать на казенный счетъ изъ семинарій Московской, Владимірской, Костромской, Рязанской и Ярославской по 2 воспитанника изъ каждой; изъ Византійской, Нижегородской, Вологодской, Пензенской, Тамбовской, Тульской, Орловской, Калужской, Смоленской и Холмской по I воспитаннику изъ каждой, — всего 20 воспитанниковъ, а остальные 10 вакансій предоставить волонтерамъ. 2) Предназначеніе сіе представить установленнымъ порядкомъ на благоусмотрѣніе Святѣйшаго Синода. 3) Объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ Академію для желающихъ поступить въ оную напечатать объявленія въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и „Церковныхъ Вѣдомостяхъ“, издаваемыхъ при Св. Синодѣ. 4) Устные испытанія произвести въ началѣ будущаго учебнаго года по догматиче-

скому богословію, церковной исторіи общей (древней, средневѣковой и новой) и русской, одному изъ древнихъ и новыхъ языковъ по выбору экзаменующихся; для письменныхъ упражненій назначить два сочиненія по богословскимъ предметамъ и одно философско-литературнаго характера.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1892. Апр. 3-го. Исполнить“.

20 апрѣля.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи, Архимандрита Антонія, всѣ члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ В. Ключевского и свящ. Д. Касицына, не присутствовавшихъ по болѣзни.

Слушали: Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ Совѣта Академіи отъ 23 Марта сего года: „1892. Апр. 3-го. Исполнить“.

Справка: Въ ст. XVI означеннаго журнала было изложено ходатайство Совѣта Академіи предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи вольнослушателю С.-Петербургской духовной Академіи Василю Буяльскому перейти въ число вольныхъ слушателей Московской Академіи.

Опредѣлили: Сообщить Василю Буяльскому о послѣдовавшемъ ему разрѣшеніи перейти въ число вольныхъ слушателей Московской Академіи.

II. Отношеніе Канцеляріи Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 26 марта сего года за № 1644.

„По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 18 текущаго марта, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, опредѣленъ на духовно-учебную службу кандидатъ Московской духовной академіи Иванъ *Крыловъ*, состоявшій доселѣ надзирателемъ въ Угличскомъ духовномъ училищѣ, помощникомъ инспектора въ Самарскую духовную семинарію.

„Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода долгомъ составляетъ сообщить о семъ Совѣту академіи для зависящаго распоряженія, присовокупляя, что объ ассигнованіи слѣдующихъ упомянутому лицу, по положенію, денегъ нынѣ же сообщено Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ“.

Справка: По распоряженію О. Ректора Академіи кандидату

И. Крылову сообщено о назначеніи его помощникомъ Инспектора въ Саратовскую духовную семинарію.

III. Отношеніе Учрежденнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 20 апрѣля сего года за № 396:

„Вслѣдствіе отношеній Совѣта Академіи за №№ 157 и 165 о дозволеніи ординарному профессору Академіи Евгенію Голубинскому заниматься въ Лаврской ризницѣ и библіотекѣ и осмотрѣть всѣ Лаврскіе храмы и зданія, что необходимо ему для составленія изданій по русской церковной исторіи, по случаю 500-лѣтняго юбилея со времени кончины Преподобнаго Сергія, — Учрежденный Соборъ, испросивъ на сіе разрѣшеніе Его Высокопреосвященства, послѣдовавшею въ Архипастырской резолюціи отъ 15 сего апрѣля за № 157, имѣетъ честь увѣдомить о семъ Совѣтъ Московскій духовной Академіи“.

Опредѣлили Принять къ свѣдѣнію.

IV. Вѣдомость О. Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками лекціяхъ въ мартѣ мѣсяцѣ текущаго года, изъ коей видно, что ординарный профессоръ Н. Субботинъ опустилъ 12 лекцій, и. д. доцента В. Соколовъ — 6 лекцій, ординарные профессеры Е. Голубинскій, А. Лебедевъ, и. д. ординарнаго профессора П. Казанскій, э.-ординарные профессеры — П. Горскій и Г. Воскресенскій и доценты — А. Бѣляевъ, А. Щостинъ и А. Голубовъ — по 2 лекціи. Всѣ лекціи опущены по болѣзни.

Опредѣлили. Вѣдомость напечатать вмѣстѣ съ журналами Совѣта.

V. Отзывы о сочиненіи доцента Академіи Митрофана Муретова: „Ветхозавѣтный храмъ. Часть первая. Внѣшній видъ храма“. Москва, 1890 г., представленномъ на соисканіе ученой стелени доктора богословія:

а) Отзывъ доцента Александра Жданова:

„Поставленный въ заглавіи изслѣдованія терминъ „ветхозавѣтный храмъ“ въ его обычномъ и общепринятомъ употребленіи прилагается и къ скиніи Моисея, и къ храмамъ Соломона, Зоровавеля и Ирода. Авторъ на стр. 12-й „предисловія“ (ср. стр. 142, прим.) усвоитъ этому термину специальный смыслъ, лишая храмъ Ирода и даже храмъ Зоровавеля права именоваться „храмами Ветхаго Завѣта“.

„Такое огривиченіе предмета изслѣдованія не ведетъ за собою никакихъ практическихъ удобствъ и, что главное, не имѣетъ въ свою пользу достаточныхъ основаній.

„Основація, собранныя авторомъ на стр. 12—13, не могутъ быть признаны состоятельными. 1) Храмы Зоровавеля и Ирода не имѣли скрижалей Завета (стр. 12); но понятіе „Ветхаго Завета“, принимаемое даже „въ строгомъ смыслѣ слова“, по употребленію его напр. у апост. Павла (2 Кор. 3, 14), значительно шире, и сферу его примѣненія нельзя сводить къ однимъ только скрижалямъ. 2) Храмъ Зоровавеля „представлялъ не полную и бѣдную реставрацію ветхозавѣтнаго святилища (ibid.). Такъ смотрѣли на него еще современники пр. Аггея; но боговдохновенный мужъ противопоставлялъ ихъ взглядамъ мысль объ иной, высшей, славѣ 2-го храма, превосходящей внѣшнюю блестящую отдѣлку 1-го (Агг. 2, 10), и удостовѣрялъ именемъ Божиимъ, что „слово, еже завѣщахъ съ вами, егда исходите изъ земли Египетскія, ... настоитъ съ вами днесь“ (ст. 6), т. е. что съ исчезновеніемъ скрижалей завета и ковчега заветъ Бога съ Израилемъ не нарушился.—Что касается точности въ воспроизведеніи богооткровеннаго образца (стр. 12), то между храмами Соломона, Зоровавеля и Ирода различіе лишь въ степени, и, не смотря на архитектурное вліяніе „позднѣйшаго суемудрія фарисейскаго и народныхъ языческихъ архитектуръ (стр. 13), храмъ Ирода признаваемъ былъ самимъ Иисусомъ Христомъ за домъ Божій.

„Впрочемъ пужно замѣтить, что въ послѣдующемъ изложеніи самъ авторъ не держится сдѣланнаго имъ и обставленнаго доказательствами разграниченія и употребляетъ терминъ „ветхозавѣтный храмъ“ въ примѣненіи и къ храму Зоровавеля, и къ храму Ирода (см. напр. стр. 25, особ. стр. 26—27 и др.).

„Отсюда вытекаетъ нѣкоторое противорѣчіе и неясность въ опредѣленіи предмета изслѣдованія, что можетъ вести къ колебаніямъ въ оцѣнкѣ источниковъ.

„Все изслѣдованіе о ветхозавѣтномъ храмѣ въ его полномъ предполагаемомъ объемѣ (Часть 1-я—о наружномъ видѣ храма, часть 2-я о внутреннемъ устройствѣ его, часть 3-я о храмѣ Ирода) имѣетъ двоякую задачу: 1) *критико-эксегетическую* (стр. 3—5), 2) *апологетическую* (стр. 5—8).

„Апологетическая задача сводится къ тому, чтобы оправдать описаніе ковчега завета и ветхозавѣтнаго храма въ 9-й главѣ посланія къ Евреямъ, не сходствующее съ обычными представленіями объ устройствѣ храма и дающее поводъ къ отричанію подлинности посланія (стр. 7).

„Безъ всякаго сомнѣнія, уже въ первой части труда положены

основанія, на которыхъ впослѣдствіи имѣеть быть построена авторомъ апологія 9-й главы, но пока было бы преждевременно гадать о томъ, какъ это будетъ сдѣлано, потому-что самъ авторъ въ первой части соведѣмъ не касается этой стороны дѣла и прямо выполняетъ лишь первую изъ поставленныхъ имъ себѣ задачъ—критико-экзегетическую.

„Эту задачу онъ опредѣленнѣе формулируетъ такъ (стр. 5): „найти такой принципъ, при помощи котораго всѣ даты первоисточниковъ, не отрицая одна другую, но слагаясь стройно, давали бы единый и цѣлостный образъ Самимъ Богомъ начертаннаго, Моисеемъ сооруженнаго и Соломономъ воспроизведеннаго въ удвоенныхъ размѣрахъ ветхозавѣтнаго храма“.

„Противъ указанной въ этихъ словахъ постановки дѣла ничего нельзя было бы сказать, если бы авторъ считалъ первоисточниками только библейскія книги. Между тѣмъ на стр. 5-й онъ высказываетъ (непосредственно предъ своимъ опредѣленіемъ экзегетической задачи) убѣжденіе въ томъ, что „Библия и Іосифъ Флавій навсегда останутся единственными первоисточниками для возстановленія храма“ и пр. Включая, согласно съ этими словами автора, въ число первоисточниковъ труды Іосифа Флавія, мы необходимо должны понимать критико-экзегетическую задачу не иначе, какъ въ такомъ смыслѣ пайти принципъ, при помощи котораго всѣ даты Библии и Іосифа Флавія, не отрицая одна другой, но слагаясь стройно, давали бы единый и цѣлостный образъ—ветхозавѣтнаго храма. Эту постановку дѣла ни въ какомъ случаѣ не можетъ признать правильною.—Труды Іосифа Флавія невозможно считать первоисточникомъ по вопросу о ветхозавѣтномъ храмѣ, который у автора различается отъ 2-го и 3-го. Всякому, сколько нибудъ изучавшему Іосифа Флавія параллельно съ Библіею, извѣстно, что Флавій нерѣдко впадаетъ въ противорѣчія съ Библіею (многіе примѣры этого рода извѣстны самому автору); при болѣе или менѣе внимательномъ изученіи Флавія открывается, что по мѣстамъ онъ противорѣчитъ даже самъ себѣ.—Ничѣмъ нельзя оправдать и увѣренности въ томъ, что Библия и Флавій останутся навсегда единственными первоисточниками по данному вопросу: кто можетъ отрицать возможность открытія на мѣстѣ Иерусалимскаго храма остатковъ древнихъ стѣпъ, надписей, можетъ быть—рисунковъ храма и его принадлежностей, наконецъ—появленія на свѣтъ памятниковъ древнѣйшей литературы, на основаніи которыхъ археологія храма будетъ существенно восполнена и библей-

скія свѣдѣнія будутъ поняты съ надлежащею ясностью? — Если брать понятіе „ветхозавѣтнаго храма“ въ обычномъ его значеніи, тогда нечего и доказывать, что Библия и Флавій не могутъ быть „единственными первоисточниками“.

„Какъ бы то ни было, вообще постановка критико-экзегетической задачи, рѣшеніе которой должно было бы быть получено аналитическимъ путемъ, ясно носитъ на себѣ клеймо предвзятой тенденціи и напередъ неблагоприятнымъ образомъ влияетъ какъ на отношеніе къ источникамъ, такъ и на методологическую сторону изслѣдованія. Въ замѣчаніяхъ на нѣкоторые частные пункты труда мы впоследствии покажемъ, что примиреніе дать Библии и дать Иосифа Флавія не только не достигаетъ цѣли, но сопровождается критико-экзегетическими операціями, невыгодными для той и другой изъ примиряемыхъ сторонъ.“

„Свой взглядъ на источники и методъ изслѣдованія авторъ излагаетъ въ особомъ введеніи (стр. 17—28; ср. стр. 371—374), считая необходимымъ для каждаго современнаго любителя библейской старины „напередъ и ясно опредѣлить свое отношеніе къ первоисточникамъ и точно оцѣнить сравнительную степень ихъ научной значимости“ (стр. 19). И нарочито данная авторомъ оцѣнка источниковъ, и пользованіе ими въ изслѣдованіи показываютъ, что взгляды его на этотъ предметъ не отличаются ни ясностью, ни точностью, ни даже устойчивостью и правильностью.“

„На стр. 18-й къ первоисточникамъ, которые по предисловію (стр. 5) „навсегда останутся единственными“, т. е. Библии и Флавію, присоединяются еще указанія Талмуда — съ замѣчаніемъ: „вотъ и весь историческій матеріалъ, изъ котораго современный археологъ долженъ построить ветхозавѣтный храмъ“. Непонятно, почему опущены здѣсь Филовъ, Евполисъ, появляющіеся въ „привавленіяхъ“ въ спискѣ источниковъ (стр. 373). И въ заключительномъ видѣ этотъ постепенно нарастающій списокъ не полонъ: такъ можно бы прибавить, напр., извѣстное письмо Аристия къ Филократу, Мидраши, гдѣ не мало цѣнныхъ подробностей касательно Иерусалима (топографія), храма и богослуженія.“

„Первостепенную важность авторъ признаетъ, конечно, за библейскимъ источникомъ. Изъ текстовъ Библии на первомъ мѣстѣ онъ ставитъ еврейскій (стр. 371 и 19—21) масоретской редакціи (20); но, говоря объ этомъ текстѣ, онъ противопоставляетъ его только „разнымъ догадкамъ, хотя бы и остроумныхъ, по новѣйшихъ ученыхъ“ (стр. 20); приведенный же здѣсь примѣръ („если

по масоретской редакціи, по древнѣйшимъ переводамъ и авторитетному чтенію LXX, по свидѣтельству Иосифа и пр. притворъ Соломонова храма имѣлъ 120 л. высоты, а по предположенію современныхъ ученыхъ только 20" и пр.) свидѣтельствуемъ не о сравнительной значимости масоретскаго текста, а о важности документальныхъ данныхъ, сравнительно съ гаданіями ученыхъ, что собственно для масоретскаго текста не имѣетъ никакого значенія.— На стр. 21-й о переводахъ сказано: „такое же почти, а иногда даже большее значеніе имѣютъ и древніе переводы Библии“. Прямой выводъ—тогъ, что масоретскій текстъ по своей критической цѣнности иногда выше, иногда ниже переводовъ; а если такъ, то остается неяснымъ отношеніе его къ переводамъ, потому что оно должно измѣняться въ каждомъ данномъ случаѣ, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. При возстановленіи же подлиннаго чтенія еврейскаго текста по масоретской редакціи и переводамъ или при текстуальной критикѣ необходимо допускаются какъ древнѣйшими (напр. Иеронимъ), такъ и повѣйшими учеными догадки, къ которымъ авторъ относится пренебрежительно. Прибѣгаетъ къ нимъ и самъ авторъ, напр. на стр. 230, гдѣ вопреки показаніямъ еврейскаго текста и многихъ переводовъ во 2 Пар. 4, 1 даетъ жертвеннику всесожженій ширину въ 10 локтей вмѣсто 20-ти; на стр. 226 онъ считаетъ весьма вѣроятною даже утрату одного существеннаго указанія въ еврейскомъ текстѣ,—утрату случайную или намѣренную, т. е. искаженіе. О подобныхъ приемахъ на стр. 19—20 самъ же авторъ говоритъ, что они „служатъ только косвеннымъ показателемъ того, что у ученаго, прибѣгающаго къ нимъ, дѣла въ его гипотезахъ обстоятъ не совѣмъ благополучно“.

„На второмъ мѣстѣ послѣ масоретскаго текста, если бы была какал-нибудь польза отъ перечисленія текстовъ въ нисходящемъ порядкѣ по ихъ сравнительной критической цѣнности, слѣдовало бы поставить самарянское Пятокнижіе, какъ самостоятельную редакцію еврейскаго подлинника. Авторъ на стр. 371 помѣстилъ „самарянское Пятокнижіе Моисея“ на третьемъ мѣстѣ, т. е. послѣ перевода LXX. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что авторъ смѣшиваетъ „самарянское Пятокнижіе“ и „самарянскій таргумъ на пятокнижіе“: въ своемъ трудѣ онъ всегда цитуетъ именно таргумъ. А если такъ, то текстъ, ошибочно обозначаемый: „самарянское пятокнижіе Моисея“, съ 3-го мѣста въ ряду другихъ долженъ быть снесенъ ниже. И вообще градація библейскихъ текстовъ по ихъ научной значимости въ отношеніи къ данному пред-

мету, представленная на стр. 371—2, не можетъ быть признана соотвѣтствующею дѣйствительности.

„Далѣе, о переводѣ LXX авторъ пишетъ: „эпоха LXX могла имѣть еще самыя свѣжія и точныя воспоминанія какъ о храмѣ Соломоновомъ, такъ и о скиніи, хранившейся въ немъ“ (стр. 21). Противъ этой возможности, конечно, многого сказать нельзя; но изъ самаго изслѣдованія не видно, чтобы авторъ воспользовался этими „свѣжими и точными воспоминаніями“. Напротивъ, онъ утверждаетъ и другую возможность, именно, — что „уже въ Иудейскомъ преданіи время Соломонова храма (т. е. значительно раньше LXX) могло не существовать яснаго представленія о скиніи въ ея полномъ составѣ“ (стр. 67), и въ другомъ мѣстѣ: „ближайшее представленіе объ устройствѣ входа скиніи легко могло *совсѣмъ* утратиться изъ іудейскаго *преданія* уже въ періодъ Соломонова храма“ (стр. 102). Одна изъ этихъ возможностей смѣняется другою смотря по тому, благопріятствуютъ или не благопріятствуютъ извѣстныя свѣдѣнія гипотезѣ, проводимой авторомъ. — Дѣлая ссылки на переводъ LXX, авторъ часто употребляетъ выраженія: „авторитетный текстъ LXX-ти“, „авторитетное чтеніе LXX-ти“. Неизвѣстно однако, есть ли это текстъ какого-либо изъ кодексовъ, или текстъ какой-либо новѣйшей критической рецензіи.

„Относительно другихъ переводовъ должно замѣтить, что авторъ упускаетъ изъ виду историческую связь, существующую между нѣкоторыми изъ нихъ (напр. Сирскаго и Арабскаго съ LXX-ю), не всегда точно передаетъ латинскій переводъ съ восточныхъ переводовъ библіи, помѣщенный въ полиглоттѣ Вальтона (и не всегда исправный); пользуясь, переводами для возстановленія той или другой подробности въ устройствѣ храма, не принимаетъ во вниманіе цѣлостнаго представленія о храмѣ, лежащаго въ основѣ каждаго перевода и составляющаго его отличительную особенность сравнительно съ другими, но замѣтуетъ ту или другую частную черту, пригодную для его собственнаго пониманія, вырывая ее изъ общей связи и потому придавая ей по большей части не то значеніе, какое она должна бы имѣть въ цѣлостномъ представленіи. Очень часто выдержки изъ переводовъ отсутствуютъ тамъ, гдѣ они были бы всего болѣе нужны (при критикѣ текста), и наполняютъ мѣсто тамъ, гдѣ еврейскій текстъ самъ по себѣ ясенъ и переводы не вносятъ въ его пониманіе ничего новаго.

„Послѣ Библіи въ числѣ источниковъ помѣщаются труды Іо-

сифа Флавія и Талмудъ. Авторъ высоко ставитъ Флавія и, рассуждая о сравнительномъ достоинствѣ его свидѣтельствъ и свидѣтельствъ Талмуда, говоритъ: „серьезно ставить и рѣшать такой, напр., вопросъ: кто въ известномъ случаѣ заслуживаетъ большаго довѣрія—Талмудъ или Іосифъ? извинительно развѣ только еврейскому раввину... Напротивъ, для ученаго христіанина и происхожденія европейскаго — подобный вопросъ... страшенъ“ (стр. 25). Трудно понять, при чемъ здѣсь христіанство и европейское происхожденіе. Тѣ доказательства, какія авторъ приводитъ въ восхваленіе Іосифа и въ осужденіе Талмуда, нельзя признать сколько-нибудь состоятельными. Изъ Іосифа заимствуется длинное свидѣтельство его о самомъ себѣ, изъ котораго авторъ заключаетъ, „въ какой степени развито въ Іосифѣ чувство научной исторической правды“ (стр. 21—22). Какое значеніе можетъ имѣть это самосвидѣтельство въ виду множества отрицательныхъ инстанцій, въ которыхъ ясно обнаруживаются разногласія и противорѣчія Іосифа съ Библией и даже съ самимъ собою?—Говоря о Талмудѣ, авторъ ссылается на легендарныя подробности, занесенныя въ него составителями (стр. 24). Упомянутыя авторомъ талмудическія басни не даютъ права произносить общаго рѣшительнаго сужденія о Талмудѣ, и въ частности позволительно спросить, какое отношеніе онѣ имѣютъ къ трактату Миддотъ? Точная цитатія здѣсь значительно уяснила бы дѣло (у автора ссылокъ нѣтъ). „Что составители Талмуда плохо и не всегда различали баснословное отъ вѣроятнаго“, — т. е. записали въ него преданія иногда безъ всякой критической оцѣнки, — это во многихъ случаяхъ можетъ служить ручательствомъ того, что преданіе не искажено неумѣлыми критическими операціями. Ссылка на то, что „Талмудъ записалъ уже позднѣйшія іудейскія преданія о храмѣ“, теряетъ свое значеніе, если дать отвѣты на слѣдующіе вопросы: когда составлена Мишна и отъ кого идутъ преданія, занесенныя въ трактатъ Миддотъ? Въ смѣшеніи Иродова и Соломонова храмовъ, что авторъ ставитъ въ указъ Талмуду, одинаково, если не болѣе, повиненъ и Іосифъ. Достаточноымъ считаемъ указать на приложеніе автора къ стр. 175.

„Неблагопріятное сужденіе о Талмудѣ и въ частности о трактатѣ Миддотъ вытекаетъ изъ того, что показанія Миддотъ не согласуются съ реставраціей самою автора и расходятся съ свидѣтельствами его главнаго руководителя Іосифа.

„Отношеніе автора къ литературѣ вопроса ясно выражено,

напр., въ слѣдующихъ словахъ: „изслѣдованіе достопочтениѣйнаго профессора (Олесницкаго) представляетъ драгоценный и капитальный вкладъ въ русскую науку особенно тѣмъ, что устраняетъ необходимость изученія обширной западно-европейской литературы по данному вопросу“; въ книгѣ г. Олесницкаго „собрано, продумано и провѣрено все, что западъ выработалъ доселѣ наиболѣе научнаго по данному вопросу“ (стр. 10, ср. 11). Вполнѣ понятно желаніе „устранить необходимость изученія“ всей литературы (это и невозможно), но увѣренность въ томъ, что книга г. Олесницкаго дѣйствительно ее устраняетъ, должно признать совершенно неправильною и имѣющею апріорное происхожденіе. Эта увѣренность, какъ и слѣдовало ожидать, оказалась вредною для автора. Считаю, напр., по г. Олесницкому (стр. 83 у Олесницкаго) научною новинкою Пэновъ проэктъ скииніи (расположеніе покрыва въ видѣ шатра), авторъ могъ бы въ своей реставраціи скииніи усмотрѣть еще болѣе цѣнную новинку, обогащеніе археологіи новымъ открытіемъ. Между тѣмъ почти совершенно одинаковая и построенная почти на тѣхъ же началахъ реставрація скииніи давно уже дана Фергюссономъ, и рисунокъ Фергюссона съ малыми измѣненіями могъ бы пригодиться въ качествѣ иллюстраціи и въ трудѣ самого автора. И въ другихъ случаяхъ „надежда“ автора—„открыть что-либо новое и отличное отъ сказаннаго другими“ (стр. 1),—тамъ, конечно, гдѣ это новое можетъ имѣть какое-либо научное значеніе,—находить себѣ осуществленіе лишь примѣнительно къ тѣмъ даннымъ, которыя собраны въ трудѣ г. Олесницкаго.

„На стр. 28-й авторъ такъ опредѣляетъ отношеніе своего труда къ труду г. Олесницкаго. „опускаемъ нѣкоторыя подробности дѣла, которыя всесторонне обследованы въ трудѣ г. Олесницкаго, и касаемся лишь тѣхъ сторонъ вопроса, которыя или опущены у него, или же освѣщены не согласно съ нашимъ пониманіемъ историко-археологическихъ документовъ“. Отсюда вытекаютъ два крупныхъ недостатка изслѣдованія: отсутствіе многихъ положительныхъ разъясненій относительно устройства ветхозавѣтнаго храма, предвосхищенныхъ г. Олесницкимъ, и густая полемическая окраска всего труда. О первомъ должно повторить приведенныя авторомъ слова св. Кирилла „если бы пришлось говорить тоже самое, то отъ сего не было бы ни малѣйшаго вреда, напротивъ вслѣдствіе согласія многихъ слушатели (и читатели) утвердились бы въ истинѣ“ (стр. 1); кромѣ того съ удобствомъ для читателей со-

единялось бы и большее формальное совершенство самого изслѣдованія. Полемика, не всегда достигающая цѣли, по мѣстамъ переступаетъ предѣлы научной объективности (напр.: стр. 147, 115—116 и др.). Съ излишествами въ полемическомъ родѣ во многихъ случаяхъ уживается преувеличенное довѣріе къ показаніямъ г. Олесницкаго, вслѣдствіе чего авторомъ перенесено въ свое изслѣдованіе не малое число ошибокъ, между которыми попадаютъ даже фальшивыя ссылки на Библію. Напр. — стр. 142, Олесн. 217: пр. Исаія называетъ Соломоновъ храмъ сіонскою скиніею и пр. (Ис. 33, 20). Въ указанномъ мѣстѣ рѣчь объ Іерусалимѣ, а не о храмѣ. Стр. 148, Олесн. 808: „Товитъ, видѣвшій храмы Ассиріи и Персіи, даже въ сравненіи съ этими послѣдними, называетъ Іерусалимскій домъ Божій необыкновенно величественнымъ“ (Тов. 14, 5). Въ 14, 5 ничего подобнаго нѣтъ. Ср. 29—30, Олесн. 32 и др. („И др.“ у насъ не означаетъ, какъ это иногда бываетъ, что другихъ примѣровъ въ дѣйствительности нѣтъ).

„Критико-экзегетическая задача, поставленная себѣ авторомъ, по нашему мнѣнію, обязывала его обратиться къ такимъ пособіямъ, которые имѣютъ ближайшее отношеніе къ этому характеру его труда, т. е. къ критико-экзегетическимъ. Вѣроятно, полагаясь на работу г. Олесницкаго, по задачѣ далеко не однородную и въ этомъ отношеніи не безупречную, авторъ упустилъ изъ виду значительную и лучшую часть текстуальнокритическихъ и экзегетическихъ работъ, относящихся къ тексту книгъ Исходъ, Царствъ, Паралипоменонъ, особенно Іезекіиля (Напр. Dillmann'a, Knabenbauer'a; Smend'a, Cornill'я и мн. др.). Правда, на стр. 373 авторъ дѣлаетъ общую ссылку на всѣ изданія, перечисленные въ 1-мъ томѣ систематическаго каталога И. Н. Корсунскаго (вып. I), но въ самомъ трудѣ мы не усмотрѣли данныхъ для опредѣленія столь глухо процитованныхъ пособій и слѣдовъ пользованія ими. Отсюда нерѣдко можно встрѣтить и неправильный переводъ и неудачную интерпретацію (о чемъ рѣчь ниже); особенно же неблагополучно обстоитъ дѣло въ критикѣ масоретскаго текста на основаніи переводовъ (примѣры—далѣе).

„Что касается метода изслѣдованія, то, минуя разъясненія, бесполезныя по ихъ безспорности, достаточно указать его главный управляющій принципъ, чтобы видѣть, въ какомъ направленіи и какими путями должна идти вся работа.

„На страницѣ 27 авторъ пишетъ. „наибольшее и существен-

нѣйшее сходство между проектами всѣхъ ветхозавѣтныхъ храмовъ должно служить признакомъ и наибольшей научной вѣроятности гипотезы“. Согласно этому принципу авторъ при описаніи скииніи заимствуетъ недостающія въ книгѣ Исходъ подробности изъ описанія храма, пробѣлы въ описаніи храма восполняетъ данными, относящимися къ устройству скииніи, приспособляя одно описаніе къ другому. Желаемое сходство при подобныхъ операціяхъ дѣйствительно получается, и авторъ удивляется тому, что оно простирается даже на „микроскопическія детали“ (стр. 100); но если обратить вниманіе на то, какъ оно получилось, — не трудно видѣть, что вся реставрація ветхозавѣтнаго храма зиждется на предвзятомъ предположеніи, и ссылки на скиинію при описаніи храма, на храмъ при описаніи скииніи представляютъ логическій *circulus vitiosus*. Критикоэзегетическимъ путемъ убѣжденіе въ детальномъ сходствѣ всѣхъ ветхозавѣтныхъ храмовъ получено быть не можетъ, да и изъ самаго проекта, начертаннаго авторомъ, не смотря на все его стараніе свести ветхозавѣтные храмы къ одному, сходному во всѣхъ отношеніяхъ, плану, при внимательномъ сличеніи архитектурныхъ пропорцій скииніи и храма, читатель не можетъ вынести указаннаго убѣжденія

„Весь разсматриваемый трудъ состоитъ изъ 2-хъ отдѣловъ: 1) синайскій храмъ (скииніи Моисея) и 2) Иерусалимскій храмъ Соломона и 3) „прибавленій“ (стр. 371—498).

„Обширный отдѣлъ „прибавленій“ имѣетъ цѣлю, согласно намѣренію автора, — „дать возможность каждому любителю богословской науки самолично провѣрить его сужденія и самостоятельно работать надъ вопросомъ о ветхозавѣтномъ храмѣ“; для этого авторъ, по его словамъ, почти цѣликомъ прилагаетъ здѣсь весь изученный имъ доселѣ матеріалъ, относящійся къ данному вопросу. — Цельзя согласиться съ тѣмъ, что указанная цѣль достигаются „прибавленіями“ Основныя данныя источниковъ приведены далеко не всѣ, разбиты въ видѣ фрагментовъ по отдѣльнымъ §§ изслѣдованія, иногда изложены въ собственномъ переводѣ автора и потому оставляютъ много мѣста для самостоятельной работы любителя. Одни изъ текстовъ помѣщены въ „прибавленіяхъ“, другіе — въ самомъ изслѣдованіи, при чемъ не видно той грани, которая отдѣляетъ главную часть отъ прибавленій, — тѣхъ основаній, по которымъ иное заняло мѣсто въ первыхъ двухъ отдѣлахъ, иное въ прибавленіяхъ. Значительная часть прибавленій заключаетъ въ себѣ поправки и дополненія къ тексту изслѣдованія.

Такое распредѣленіе научнаго матеріала нимало не облегчаетъ, а напротивъ затрудняетъ работу любителя и имѣетъ значеніе болѣе для автора, чѣмъ для читателя, которому приходится, прочитавъ § изслѣдованія, обращаться къ „прибавленіямъ“, не окажется ли тамъ особыхъ примѣчаній, а затѣмъ наводитъ справки въ книгѣ Олесницкаго касательно „подробностей, всесторонне обследованныхъ“ (стр. 28) у послѣдняго. Такъ какъ многія страницы главной части представляютъ собою критическія примѣчанія къ труду г. Олесницкаго, а въ „прибавленіяхъ“—пояснительныя примѣчанія къ главной части, то вся архитектурическая сторона труда не производитъ благопріятнаго впечатлѣнія.

„Обратимся теперь къ тому, что сдѣлано въ главной части: насколько и какъ выполнена критико-эксегетическая задача, насколько тщательно и точно произведена реставрація скиніи и храма.

„Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, на какія требованія къ этой сторонѣ дѣла уполномачиваетъ самъ авторъ. „Во всякомъ случаѣ, говоритъ онъ (стр. 14—15), трудившійся убѣжденъ, что возставаемый имъ образъ богооткровеннаго храма, выдерживая и сосредоточивая основныя даты авторитетныхъ источниковъ, представляется ему имѣющимъ все права на подлинность или, по крайней мѣрѣ, на наибольшую научную достовѣрность“. „Недосмотры въ деталяхъ не могутъ поколебать увѣренности автора въ правильности начертаннаго имъ общаго и основнаго образа ветхозавѣтнаго храма“. И во многихъ другихъ мѣстахъ неоднократно авторъ повторяетъ, что онъ даетъ „теорію, ничѣмъ не опровержимую“ (стр. 97, ср. 155 и мн. др.), согласную со всеми данными первоисточниковъ, подкрѣпляемую всеми аналогіями и пр. и существенно отличающуюся отъ общепринятой.

Если бы это было дѣйствительно такъ, тогда данное авторомъ рѣшеніе сложной и трудной научной проблемы можно было бы привѣтствовать какъ высоко цѣнное научное открытіе. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ: въ образѣ храма, начертанномъ авторомъ, есть не только частныя, но и общія погрѣшности, которыя даютъ право утверждать, что этотъ образъ не только не соответствуетъ, но и противорѣчитъ показаніямъ первоисточниковъ, едва ли даже можетъ быть выполненъ въ дѣйствительномъ архитектурномъ сооруженіи, и кто, по предположенію автора, „возымѣлъ бы намѣреніе соорудить христіанскій храмъ“ (стр. 14) согласно данному

имъ описанію храма ветхозавѣтнаго, тотъ понапрасну потратилъ бы средства.

„Эту мысль считаемъ возможнымъ раскрыть въ рядѣ отдѣльныхъ замѣчаній, послѣдовательность которыхъ будетъ опредѣляться порядкомъ §§ изслѣдованія.

„Стр. 29—30. Авторъ перечисляетъ наименованія скинии и ея главныхъ частей, что служить ему основаніемъ и для дальнѣйшихъ выводовъ, и для распредѣленія матеріала (домъ скинии, шатеръ скинии). Перечисленіе не снабжено должными ссылками (что здѣсь было бы важно), не полно и не соответствуетъ библіи въ томъ отношеніи, что термины, ясно различаемые въ книгѣ Исходъ, авторъ смѣшиваетъ, поставляя одинъ на мѣсто другого (именно. כִּי וּמִשְׁכַּתוֹ, стр. 4 снизу, ср. стр. 104 и 378—379). Названіе скинии כִּיבֹל въ пятокнижій не встрѣчается, а встрѣчается въ кн. Царствъ только въ примѣненіи къ Силомскому храму, о которомъ должно бы быть особое сужденіе, потому-что въ новѣйшее время его считаютъ (и на правдоподобныхъ основаніяхъ) массивною постройкою, которую можно признать промежуточнымъ звеномъ между скиніею и храмомъ Иерусалимскимъ и прототипомъ послѣдвѣго, какъ сооруженія постоянного (нѣчто объ этомъ есть и у г. Олесницкаго).

„Стр. 30, 67, 105, 107. Общепринятую реставрацію скинии авторъ считаетъ изобрѣтеніемъ Іосифа Флавія. Это невѣрно. то же представленіе, съ малыми различіями, ранѣе раскрыто Филономъ, и свидѣтельство Филона приводитъ авторъ въ „прибавленіяхъ“ (387—388). То же представленіе встрѣчается въ Мидрашахъ и Талмудѣ. Слѣдовательно, его должно считать или изобрѣтеніемъ Филона, а не Флавія, или же, что вѣрнѣе, общимъ достояніемъ еврейскаго преданія, и тогда отнести къ нему съ большей серьезностью, чѣмъ къ измышленію отдѣльнаго лица съ репутаціею Флавія.

„Стр. 36, ср. 73. Разсуждая о брусяхъ скинии и доказывая, что Іосифъ могъ знать точно ихъ толщину изъ древнееврейскаго преданія, авторъ утверждаетъ, что они „сберегались въ Соломоновомъ храмѣ до временъ плѣна Вавилонскаго“. Утвержденіе голословное, между тѣмъ оно важно для сужденія объ основаніяхъ реставраціи автора.

„Стр. 39—48. Задніе угловые брусья, которымъ приписывается важнѣйшее значеніе въ общей архитектурѣ скинии, описываются неправильно, потому что авторъ невѣрно понимаетъ свидѣтельства

Филона и Флавія. Эти брусья, или столбы, по мнѣнію автора, давали въ разрѣзѣ квадратный локоть и были массивнѣе прочихъ, имѣвшихъ, по Іосифу, $1\frac{1}{2}$ локтя ширины и 4 пальца толщины (стр. 35). Между тѣмъ о нихъ Іосифъ говоритъ „*ἐκ πῆχεως τετμημένοι*“ (лат. *medio cubito*), а прочіе называетъ большими (*μείζονιν*)—стр. 390. Тоже и Филонъ. Послѣдній называетъ эти столбы *ἀφανεῖς* и *ἀποκεκρυμμένοι*, чего, по автору, не могло быть (стр. 48, прим.) Этого, дѣйствительно, не могло быть, если понимать *ἀφανεῖς* въ смыслѣ „незамѣтный“, подобно и *ἀποκεκρυμμένοι*. Но въ полномъ видѣ взятое свидѣтельство Филона не даетъ этого смысла (стр. 387): *ἀφανεῖς* противоплагается *ἐμφανεῖς*, т. е. столбы незначительные значительнымъ по размѣрамъ; къ *ἀποκεκρυμμένοι* добавляется *ἐν ταῖς γωνίαις*, такъ что все сочетаніе—*ἐγγωνίους* Іосифа, съ каковымъ названіемъ, по мнѣнію автора, ничѣмъ не подтверждаемому, еврей будто бы соединялъ представленіе особенной массивности и прочности (стр. 40). Такимъ образомъ въ дѣйствительности и Филонъ и Флавій согласны въ томъ, что угловые столбы были менѣе массивны, чѣмъ прочіе столбы или брусья скинии; а потому и выраженіе Флавія „*ἐκ πῆχεως τετμημένους*“, въ переводѣ автора („изъ локтя вырѣзанные“, „вырѣзанные изъ локтя въ квадратѣ“) не имѣющее смысла, нельзя понимать такъ, что каждый столбъ въ поперечномъ разрѣзѣ давалъ квадратный локоть, тоже явствуетъ и изъ замѣчанія Флавія: „шесть брусевъ давали вмѣстѣ девять локтей“ (см. стр. 43). Основанія, приведенныя на стр. 42 и д. въ доказательство массивности столбовъ, не выдерживаютъ критики. ни откуда не видно, чтобы эти столбы служили для скрѣпы скинии (къ стр. 43); ихъ парное число требовалось симметриею (къ стр. 42); невозможность малымъ столбамъ имѣть по двѣ подставы вытекаетъ лишь изъ произвольнаго опредѣленія размѣра и вѣса подставъ (къ 42-й; 49— $\frac{3}{4}$ локтя); соотвѣтствіе переднимъ столбамъ (къ 44 стр.) не можетъ имѣть никакого значенія, потому что передніе поставляются въ свою очередь въ соотвѣтствіе заднимъ (стр. 94—5, 89).

„Опредѣленіе размѣровъ заднихъ столбовъ (угловыхъ), сдѣланное авторомъ на основаніи Флавія, въ дѣйствительности же вопреки ему и Филону, настолько важно въ проэктѣ автора, что если оно не правильно, то все сооруженіе должно измѣнить свой видъ существеннымъ образомъ, т. е. и углы, и скрѣпы, и шатеръ, и переднія колонны, и гребень кровли и пр. Вообще все частности авторскаго плана поставлены въ такую тѣсную взаимную связь,

что съ удаленіемъ этихъ двухъ столбовъ, описанныхъ вопреки источникамъ, рухнетъ вся скинія.

„Стр. 50—56 и 375—6. Вопреки библейскому описанію и почти всѣмъ переводамъ у каждаго бруса кромѣ двухъ шиповъ, входившихъ въ отверстія подставъ, указываются боковые липы (на основаніи Вульгаты). Изъ двойственности упоминанія (Исх. 26, 17 и 19; 36, 22 и 24), вполне понятной въ библейскомъ описаніи, авторъ выводитъ двойственность упоминаемаго, т. е. шиповъ (לִּטְט). Чтобы вновь пустить въ обращеніе давно оставленное предположеніе, онъ цитуетъ всѣ переводы; но Таргумы и Пениито ничего не доказываютъ, арабскій (собственно латинскій переводъ съ арабскаго) перефразированъ до неузнаваемости; а переводъ LXX даже и понятъ неправильно, такъ что изъ него, по автору, исчезло даже свидѣтельство о шипахъ, входившихъ въ подставы (терминъ *ἀρχαίοσχος* переведенъ невѣрно словомъ „схватъ“, *μέρος* „сторона“, чтò (*μέρος*) соотвѣтствуетъ классическому словоупотребленію; ср. стр. 32, гдѣ авторъ безъ достаточныхъ основаній упрекаетъ г. Олесницкаго за неправильность перевода *μέρος* словомъ „конецъ“: LXX-же и въ книгѣ Исходъ словомъ *μέρος* не разъ передаютъ евр. לִּטְט). На терминъ (весьма темномъ) לִּטְט בִּשְׁמַחַת נִחֵם ничего прочнаго въ благопріятномъ для автора смыслѣ построить нельзя.

„Стр. 56—66. Вся система скрѣпъ скиніи (кольца и засовы), приспособленная къ двумъ заднимъ угловымъ столбамъ, которые, какъ мы видѣли, по размѣрамъ и формѣ не соотвѣтствуетъ показаніямъ источниковъ, съ удаленіемъ гипотетическихъ столбовъ, должна рассыпаться.

„Въ частности: на стр. 57 невѣрно понимается לִּטְט. На стр. 58 авторъ утверждаетъ, что Флавій „не говоритъ выразительно о засовахъ заднихъ“. Флавій объ этомъ говоритъ и—совершенно ясно въ Ant. 3, 6, 3, только его свидѣтельство понято авторомъ не совсѣмъ точно: *φάλαγξ*, переведенное словомъ „рядъ“, можетъ имѣть значеніе „шесть, колъ“, на что, повидимому, указываетъ выраженіе Флавія: *εἰς ἣν (φάλαγγα) ἐνέβαινον πλαγαὶ καὶ αἱ τελευταῖοι τῶν σκηνάκιδων τῶν ἐξ ἐπιπέδων τοῦχοι τῶν ἐπιμηριστίφων*. На стр. 64 въ пользу своего предположенія о сдѣлленіи шестовъ внутри заднихъ угловыхъ столбовъ авторъ приводитъ свидѣтельство LXX-ти, въ которомъ находитъ указаніе на необходимые для него два столба (LXX Исх. 26, 26—27). Это, важное для гипотезы автора, свидѣтельство переведено и понято имъ совершенно неправильно, именно: вмѣсто двухъ столбовъ въ текстѣ можно найти

три: 1) *τῷ στύλῳ τῷ ἐνί* (26 ст.), *τῷ στύλῳ τῷ ἐνί* (стр. 27) съ съ другой стороны скинии и 3) *τῷ στύλῳ τῷ ὀπισθίῳ* (ст. 27), что совершенно ясно выражено и въ славянскомъ переводѣ; самое же главное то, что всѣ эти три термина нужно переводить не единственнымъ, а множественнымъ числомъ на основаніи и еврейскаго текста, и самого перевода LXX въ гл. 36, 31—2 (въ 3 случаяхъ *τοῖς στύλοις*).

„Стр. 67—89. Описывая древесную часть шатра, авторъ, чтобы получить нѣчто, подобное стропиламъ, удлиняетъ болѣе, чѣмъ вдвое, уже упомянутые задніе угловые столбы, „высѣченные изъ локтя въ квадратѣ“, и, наклоня ихъ надъ внутреннимъ пространствомъ дома Божія, соединяетъ вверху къ одному кольцу. Мы видѣли выше, что подобныхъ столбовъ въ источникахъ не дано; если бы даже они и были, то нѣтъ пужды именно ихъ вытягивать въ стропила: для утвержденія шатра надъ скиніею могли бы служить, напр., поименованные въ Исх. 27, 19; 38, 20 *קוֹטֵי*, о которыхъ авторъ умалчиваетъ, не давая имъ никакого назначенія (что, впрочемъ, едва ли и возможно въ его проэктѣ).

„Закопчивъ анализъ темнаго мѣста Исх. 26, 23—24, относящагося къ угловымъ столбамъ, авторъ замѣчаетъ (стр. 88—9): „такъ, по нашему мнѣнію, весьма просто и какъ бы сама собою, благодаря одному только буквально точному переводу библейскихъ текстовъ, разрѣшается археологическая задача, . . . которая“, по Олесницкому, „до настоящаго времени не нашла себѣ удовлетворительнаго рѣшенія“. Въ этихъ словахъ автора ссылка на „библейскіе тексты“ не можетъ быть оправдана: восточные переводы евр. терминъ *קוֹטֵי* передаютъ такъ, что ничего не прибавляютъ и не поясняютъ сравнительно съ еврейскимъ; LXX и Вульгата (*σύμβολοις*, *συμβολή*, *compago*) не содержатъ въ себѣ ничего благопріятнаго для гипотезы автора или, вѣрнѣе сказать, прямо ей неблагопріятны. Собственный, принадлежащій ему переводъ („два бруса сдѣлай для угловъ скинии на задней сторонѣ и будутъ удвоенными снизу и вкупѣ будутъ пѣльми (или же удвоенными) на главѣ (верху) ея (скинии) къ кольцу одному“) настолько теменъ, что никакъ нельзя сказать вмѣстѣ съ авторомъ: „все ясно какъ Божій день“ (стр. 89),—особенно въ виду того, что онъ самъ говоритъ на стр. 83—84 *οὐ μὴ ἴσῃς* (по его переводу двойни и пѣлы); „сдѣлать выборъ изъ этихъ двухъ значеній (см. 82) затруднительно“, и далѣе: „Такимъ образомъ пи основной, ни переводные тексты не сообщаютъ намъ *никакихъ* данныхъ для

того, чтобы сдѣлать выборъ между обоими значеніями термина,— и потому мы поставлены въ необходимость условно имѣть въ виду оба значенія“ (стр. 83—84). Авторъ не только не даетъ подробнаго и точнаго разбора текстовъ еврейскаго и переводныхъ, но даже не доканчиваетъ перевода 24 стиха, чтò въ данномъ случаѣ имѣетъ важное значеніе. Поэтому окончательнаго или даже удовлетворительнаго рѣшенія „данной въ Исходѣ археологической задачи“ (89) мы у автора не находимъ, равно какъ не находимъ яснаго и точнаго перевода указанныхъ стиховъ.

„Стр. 89—103. Поставляя входныя колонны въ связь съ шатромъ скинии, авторъ (на стр. 89) пользуется выраженіемъ Исх. 26, 36: ל פ א פ פ פ ב ל и понимаетъ ל פ א какъ обозначеніе верхней части скинии. Это невѣрно: опущенные изъ виду авторомъ Исх. 40, 28, 29; 38, 30 ясно показываютъ, что въ 26, 36 $\text{ל פ א} \text{; ב ש מ}$ и обозначаетъ все сооруженіе скинии. Ошибка стоитъ въ связи съ тѣмъ, что авторъ не имѣетъ яснаго понятія о терминологіи книги Исходъ въ описаніи скинии и ея частей (ср. стр. 29—30).

„Въ расположеніи пяти входныхъ столбовъ скинии авторъ руководствуется исключительно аналогіею съ двумя задними столбами скинии и притворомъ храма (равно какъ при описаніи притвора аналогіею съ столбами скинии, при описаніи заднихъ столбовъ аналогіею съ задними), т. е., не имѣя никакой опоры въ источникахъ, предлагаетъ лишь свои произвольныя догадки, которыя считаетъ „не гипотезою только, но теоріею, ничѣмъ не опровержимою и, кромѣ того, имѣющею вполне научныя для себя основанія“ (стр. 97).—Въ дѣйствительности же, кромѣ аналогій исчезающихъ, при внимательномъ изученіи источниковъ, никакихъ основаній для его „теоріи“ нѣтъ. Мало того: источники, на „молчаніе“ которыхъ онъ ссылается (стр. 95 и 102), прямо говорятъ противъ его „теоріи“. Входная завѣса, прикрѣпленная къ пяти столбамъ, предполагаетъ ихъ прямолинейное расположеніе (Исх. 36, 37—8; ср. 40, 5, 28 и др.); къ этому же приводитъ полное сходство въ описаніяхъ внутренней завѣсы и завѣсы двора (Исх. 36, 35—6; 38, 18—19; 40, 3, 6, 8, 21, 28, 33). Что касается І. Флавія и Филона, то и они имѣютъ въ виду тоже расположеніе столбовъ (стр. 391, 388 и 138). Правда, авторъ увѣряетъ, что Филонъ и Флавій „ничего не свидѣтельствуютъ противъ“ его „возстановленія входныхъ колоннъ“ (стр. 102); но интересно было бы знать, какъ можно на пяти столбахъ, расположенныхъ по плану автора, повѣсить завѣсу въ 10 локтей квадрата и какъ понять

способъ ея прикрѣпленія, описанный у Флавія (см. стр. 138)?— Теорія автора противорѣчитъ словамъ Флавія.

„Стр. 103—138. Въ описаніи шерстянаго покрыва на стр. 107, 108, 127 авторъ считаетъ одинъ изъ покрывовъ войлочнымъ и спрашиваетъ (стр. 107): „цѣлесообразно ли было закрывать *простымъ войлокомъ* художественную и драгоценную отдѣлку стѣнъ скиній?“—Что этотъ покрывъ не былъ простымъ войлокомъ, легко видѣть изъ Исх. 35, 26, гдѣ прямо сказано, что женщины пряли шерсть для покрыва (112), а изъ нитей, какъ извѣстно, войлокъ не изготовляется.

„Приписывая покрыву бѣлый цвѣтъ, авторъ опирается на его наименованіе בַּחֹרֶם , „блестящій, бѣлый, свѣтлый шатеръ въ отличіе отъ обыкновенной палатки изъ черной шерсти בְּחֹרֶם (стр. 127). И значеніе слова בַּחֹרֶם болѣе, чѣмъ сомнительно, и בְּחֹרֶם не означаетъ палатки изъ черной шерсти (ср. стр. 30); различіе двухъ синонимовъ заключается совсѣмъ не въ томъ, на что указываетъ авторъ. Кромѣ того нельзя доказать, что названіе בַּחֹרֶם специально присвоено шерстяному покрывалу.

„Въ разсужденіи о полотнищахъ шерстянаго покрыва авторъ настойчиво проводитъ мысль объ удвоеніи фронтоваго полотнища, основываясь на значеніи глагола בָּנָה . Описывая способъ этого удвоенія, о чемъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній ни въ основномъ текстѣ, ни въ переводахъ, авторъ путемъ довольно хитрой интерпретаціи доходитъ наконецъ до такого результата, который стоитъ въ прямомъ противорѣчій со всѣми текстами: вмѣсто 11 полотнищъ, указанныхъ законодателемъ, получаетъ 12-ть.

„Расположеніе фронтоваго полотнища въ проэктѣ автора подкрѣпляется „неяснымъ фрагментомъ (?) іудейскаго преданія, дошедшаго до Іосифа Флавія, но имъ не оцѣненнаго.—Какъ цѣнить этотъ, непонятый Іосифомъ, фрагментъ самъ авторъ, можно видѣть изъ слѣдующаго. Въ греческомъ подлинникѣ читаемъ. *κατὰ θύρας ἀετώματι παραλήβιον καὶ παστάδι παρεῖχον τοῦ ἐνδεκάτου φάρσους εἰς τοῦτο παρελιμμένον*. Авторъ переводитъ: „что касается входа (дверей), то устроили нѣчто подобное аэтомѣ и пастасу, для чего оставлено одинадцатое полотнище“. Т. е. *παρελιμμένον* производить отъ *παρᾶλείπω*, а не отъ *παρᾶλαμβάνω*, какъ бы слѣдовало; далѣе, на стр. 147 *εἰς τοῦτο* относитъ не ко всему предшествующему, а къ *ἀέτωμα* („*εἰς τοῦτο*, т. е. для сего послѣдняго, именно для астомы, а не для пастоса“), перескакивая чрезъ слово *παστάδι*. Сдѣлавъ этотъ неопозволительный, ни этимологически, ни синтакси-

чески, переводъ, авторъ изъ пяти столбовъ строить пастась, а изъ фронтоваго покрывала получаетъ атому.

„Изъ критики обычныхъ представлений о покровахъ скиини (представлений, происхождение которыхъ ошибочно приписывается у автора Флавію) въ видѣ результата читатель получаетъ самое большее—это сомнѣніе въ правильности общепринятой реставраціи, которое уже не разъ высказывалось многими прежде; но до логически непреодолимой необходимости—оставить обычныя представленія авторъ его не доводитъ. Для поддержки шатра у автора снова являюся уже извѣстные угловые столбы: разъ допущенная ошибка сказывается и здѣсь. Усилія вывести что-либо изъ текста еврейскаго и переводныхъ въ пользу 2-хъ или 3-хъ скатнаго шатра кромѣ лишней шероховатости или неправильности перевода ничего не даютъ (см. напр. стр. 113 и 110: „надъ боками скиини“ вм. по бокамъ, гр. *ἐπί*; стр. 104 и 128: „надъ задомъ скиини“, греч.: *ὀπίσω τῆς ὀπισθῆς*; стр. 128: ар. „спусти покато“, лат. съ арабскаго: „*demitte pendulum*“ и др.).

„На основаніи однихъ только выше указанныхъ замѣчаній считаемъ возможнымъ утверждать, что авторъ не имѣлъ права сказать на стр 29: „основной и общій типъ для ветхозавѣтнаго храма... съ совершеннѣйшею ясностью и желательною опредѣлительностью далъ въ синайскомъ закоподательствѣ и (?) въ планѣ Моисеевой скиини“. Воздвигаемое авторомъ зданіе скиини, можетъ быть, само по себѣ и прочно, и красиво, по оно не имѣетъ для себя главной опоры—свидѣтельство первоисточниковъ и лучшаго украшенія—согласія съ Библией и древнимъ преданіемъ.

„А такъ какъ при возстановленіи храма Соломонова авторъ настойчиво и старательно проводитъ аналогію его со скиинію, простирая ее, по его собственнымъ словамъ, „до микроскопическихъ деталей“, то чѣмъ чаще авторъ обращается къ аналогіямъ, тѣмъ менѣе ручательства въ подлинности предполагаемой имъ реставраціи храма.

„Что касается реставраціи храма, то она, помимо произвольныхъ и несогласныхъ съ источниками аналогій, и въ тѣхъ пунктахъ, которые не стоятъ въ непосредственной зависимости отъ предвзятыхъ взглядовъ автора, не можетъ быть признана удовлетворительною ни въ общемъ, ни въ частностяхъ, что будетъ видно изъ нижеслѣдующихъ замѣчаній.

„Стр. 139—142. Доказывая, что планъ Соломонова храма принадлежалъ собственно не Соломону, а Давиду, авторъ, ссылаясь

на 3 Ц. 8, 17—18 и 2 Пар. 6, 6—8, на стр. 141 утверждаетъ, что „самъ Соломонъ считаетъ *планъ* храма дѣломъ сердца Давида“.— Оба мѣста не заключаютъ въ себѣ того, что желаетъ видѣть въ нихъ авторъ.

„Разсужденіе о томъ, что планъ храма принадлежитъ Давиду, а не Соломону, даетъ автору основаніе „считать дѣломъ научнаго произвола всякія предположенія о существенномъ вліяніи на планъ храма со стороны архитектуръ иноземныхъ“ (стр. 141). Это заключеніе о самобытности (стр. 142) еврейской архитектуры, по нашему мнѣнію, нисколько не измѣнилось бы и въ томъ случаѣ, если бы планъ храма принадлежалъ Соломону, а не Давиду. Кромѣ того, самъ же авторъ на стр. 172 говоритъ, что „Давидъ предварительно ознакомился (?) съ архитектурою народовъ иностранныхъ“, и во многихъ мѣстахъ устанавливаетъ аналогію еврейскаго зодчества съ зодчествомъ другихъ народовъ (стр. 151, 156, 171—173, 278 и др.), за что сильно порицаетъ новѣйшихъ ученыхъ.

„Въ § 78, стр. 142—143, авторъ сосредоточиваетъ библейскія мѣста, изъ которыхъ должна вытекать его основная излюбленная мысль, что храмъ имѣетъ сходство съ скиніею даже въ подробностяхъ. Изъ этихъ мѣстъ Исх. 33, 20 и 2 Пар. 29, 7 не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу; Іезек. 41, 1—2 можетъ быть привлечено въ рядъ доказательствъ лишь съ очень большой натяжкой (при недостаточной критикѣ текста); Тов. 13, 10, Прем. 9, 8 и 2 Пар. 29, 6, если послѣднее мѣсто поставить въ замѣну 2 Пар. 29, 7, не даютъ того, что хотѣлось бы извлечь автору.

„Въ § 80 опредѣляется въ общихъ чертахъ величіе и великолѣпіе Соломонова храма. Исчисляя количество золота, запасеннаго Давидомъ, — 100,000 талантовъ,—авторъ приравниваетъ эту цифру 299,265 пудамъ; слѣдовательно талантъ золота равенъ почти 3 пудамъ. Само собою разумѣется, что при такомъ вѣсѣ таланта золота, а соотвѣтственно этому и другихъ металловъ, получаютъ массы металла, громадности которыхъ авторъ справедливо удивляется и которыя, повидимому, были достаточны для того, чтобы весь храмъ цѣликомъ былъ сооруженъ изъ нихъ однихъ.

„Полученный авторомъ вѣсъ металла (цѣнность—въ милліардахъ) преувеличенъ самое меньшее разъ въ 10, а соотвѣтственно этому преувеличена и цѣнность, если вообще можно установить съ какой-нибудь степенью точности золотую и серебряную валюту для эпохи Давида и въ особенности Соломона, когда, по замѣчанію св. повѣствователя, серебро было равноцѣнно простому камню (у автора

на стр. 146 тоже о золотѣ). *Τάλαυτο* LXX-ти соответствует евр. כֶּכֶס. Какого вѣса былъ киккаръ при Давидѣ, видѣть можно изъ 2 Ц. 12, 30. „взялъ Давидъ вѣнецъ царя “Аммонитскаго „съ головы его, а въ немъ было золота талантъ (כֶּכֶס) и драгоценный камень, и возложилъ его Давидъ на свою голову“ (син. рус. переводъ). Не думаемъ, чтобы вѣнецъ царя Аммонитскаго, возложенный на голову Давида, могъ вѣсить до 3 пудовъ.

„Существенное значеніе въ описаніи храма авторъ придаетъ, и справедливо, „нижней пристройкѣ“; на стр. 161 онъ говоритъ: вопросъ объ окружной пристройкѣ храма, по нашему мнѣнію, долженъ служить пробнымъ камнемъ для рѣшительной опѣнки сравнительной доброкачественности разныхъ архитектурно-художественныхъ мотивовъ въ реставраціяхъ Соломонова храма новѣйшими археологами“. Сказанное во всей силѣ приложимо и къ реставраціи самого автора, и достаточно немногихъ соображеній, чтобы убѣдиться въ ея „недоброкачественности“.

„Библейскія свидѣтельства 3 Ц. 6, 5—6. 8. 10 и Иезек. 41, 5—15 касательно „нижней пристройки“ (терминъ неудачный) авторъ сообщаетъ въ собственномъ переводѣ на стр. 156—158.

„Право пользованія Иезекиелевымъ описаніемъ храма авторъ доказываетъ въ 3-мъ примѣчаніи къ стр. 158, хотя для этой цѣли краткаго примѣчанія далеко не достаточно. Право это считаемъ непререкаемымъ, впрочемъ—не въ такой степени, какая желательна автору; основанія же, приводимыя авторомъ въ его пользу, не имѣютъ надлежащей силы. 1) Авторъ утверждаетъ, что „пророкъ измѣряетъ *планъ* храма на мѣстѣ его развалинъ, когда былъ еще цѣлъ весь каменный матеріалъ разрушеннаго храма“ (ср. стр. 186, 188, 219, 342—3 и др., гдѣ авторъ даетъ совершенно неправильныя представленія о процессѣ измѣренія и предполагаетъ, что измѣренія производитъ самъ пророкъ).—Развалины разрушеннаго храма не имѣютъ отношенія къ пророческому созерцанію, потому что Иезекииль видитъ и новый городъ, и новый храмъ на мѣстѣ прежнихъ. О цѣлости „всего каменнаго матеріала говорить нельзя въ виду Плач. 4, 1: „камни святилища разбросаны по всѣмъ перекресткамъ“. 2) „Точнаго соответствія“ пророчесственныхъ описаній съ датами 3 Ц. и 2 Пар. не усматривается, если даже сличить только приведенныя (на стр. 156—7) измѣренія; изученіе законодательныхъ главъ Иезекииля со стороны ихъ характера и цѣли можетъ показать, что самъ пророкъ и не имѣетъ въ виду „точного“ воспроизведенія прошедшаго, но предлагаетъ усовершенство-

ванія, приспособленныя къ новому состоянію теократіи. 3) „Ни одинъ ученый еще не смогъ доказать, чтобы пророчесственный планъ храма представлялъ какія-либо существенныя уклоненія отъ дѣйствительно существовавшаго храма“. Это можно считать справедливымъ лишь въ примѣненіи къ общему типу храма, который сохраняется и въ описаніи Іезекіиля; что же касается подробностей, и весьма существенныхъ, то ни одинъ ученый еще не доказалъ ихъ тождества съ Соломоновыми, и въ настоящемъ случаѣ *opus probandi* лежитъ на авторѣ. Наконецъ, храмъ Іезекіиля доселѣ не описанъ съ должною ясностью, что признаетъ и авторъ (№ 4, стр. 159 прим.).

„Переводъ приведеннаго отдѣленія изъ книги Іезекіиля (41, 5—15) совершенно неудовлетворителенъ. 1) Онъ неудобопонятенъ—отчасти вслѣдствіе того, что авторъ доводитъ до крайности свое видимое стремленіе передавать букву масоретскаго текста (напр. ст. 5: „около дома кругомъ“; ст. 6: „что для дома реберъ около кругомъ“; ст. 7 и пр.; сравните однако важные пропуски въ 6 и 7 стихахъ), отчасти вслѣдствіе постоянныхъ прибавленій въ скобкахъ,—прибавленій, часто неудачныхъ. 2) При своей мнимой буквальности, которая можетъ предрасполагать въ пользу его точности, онъ и не вѣренъ (напр. ст. 6: „что для дома реберъ“: евр. אֲשֶׁר לְבַיִת לְעֵלְצוֹת; ст. 7: „и расширялась“; евр. וַיִּרְחַבְהָ וְנֹסַבָּה; ст. 8: „большихъ“; евр. אֲרָצִילָה; „кои внутри“ (ст. 9); евр. אֲשֶׁר לְבַיִת; ст. 10: „и середина пристроена“, евр. וּבֵינֵיהֶם וּמִן דָּר. въ дальнѣйшихъ стихахъ). 3) Кромѣ того авторомъ не приняты во вниманіе древніе переводы: онъ рабски слѣдуетъ масоретскому тексту, который, особенно въ стт. 6, 7, 8, не даетъ удовлетворительнаго смысла и, по своей неудобопонятности, дозволяетъ самыя произвольныя интерпретаціи. Правда, авторъ сообщаетъ данныя, извлеченныя изъ переводовъ и основнаго текста на стр. 178—183 и 396—398 въ § LXXXIX и „прибавленіяхъ“; но весь этотъ § съ прибавленіями представляетъ не что иное, какъ выпись изъ переводовъ, содержащую въ себѣ всѣ существенныя, которыя употребляются „въ прямомъ или отдаленномъ отношеніи къ окружной пристройкѣ“. Хотя перечень по мѣстамъ сопровождается переводомъ отдѣльныхъ терминовъ (не всегда точнымъ) и объяснительными замѣчаніями, тѣмъ не менѣе въ немъ нѣтъ должнаго разъясненія, въ какомъ взаимномъ отношеніи термины стоятъ между собою и къ пристройкѣ, и въ примѣненіи къ критикѣ текста онъ не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго значенія.

„Тѣми же недостатками, — хотя, по причинѣ сравнительной (съ книгою Іезекииля) простоты текста, въ слабѣйшей степени, — отличается и выдержка изъ книги Царствъ въ переводѣ автора (ср., напр., ст. 5 и 8 съ евр. и LXX-ю).

„Вообще предлагаемый переводъ и въ вѣрности, и въ чистотѣ русской рѣчи значительно уступаетъ синодальному, и нисколько не удивительно, если авторъ получаетъ въ результатъ „ва первый взглядъ (думаемъ, что даже и не на первый взглядъ) не довольно ясны и повидимому противорѣчивыя показанія“ (стр. 160).

„Въ той и другой выдержкѣ авторъ, какъ можно видѣть почти изъ каждой строки перевода съ его вводными поясненіями, отождествляетъ терминъ ר'ח'י со всей системой ל'ר'ב'ח (ח'ל'ב) — ср. стр. 178 и д. Доказательствъ на это во всемъ трудѣ нѣтъ; между тѣмъ они бы не только не излишни, но даже необходимы, потому что терминъ ר'ח'י , въ архитектурномъ смыслѣ употребляемый только въ 6-й главѣ 3-й Царствъ, можно, и съ большой вѣроятностью, относить къ сооруженію, которое не имѣло ничего общаго съ „домомъ реберъ“ (ח'ב).

„Къ неудовлетворительной передачѣ основныхъ библейскихъ данныхъ, которая и сама по себѣ имѣетъ рѣшающее значеніе для гипотезы автора, присоединяется такое истолкованіе ихъ, при которомъ съ совершенной ясностью обнаруживается невозможность проэктируемой авторомъ реставраціи.

„Помѣстивъ вслѣдъ за библейскими свидѣтельствами § изъ Флавія (VIII Antiqu. 3, 2), авторъ замѣчаетъ (стр. 160—1): при веденный § служить единственною путеводной нитью къ выходу изъ лабиринта всевозможныхъ недоумѣній и произвольностей, въ коихъ запутываются всѣ отступающія отъ Іосифа новѣйшія гипотезы“; далѣе авторъ называетъ свидѣтельство Флавія „во всѣхъ отношеніяхъ авторитетнымъ и совершенно яснымъ“ (стр. 103), а самого Іосифа — „лицомъ въ нашемъ вопросѣ вполне компетентнымъ“ (ib).

„Въ дѣйствительности свидѣтельство Флавія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ его принимаетъ авторъ, не только противорѣчитъ, Библии, но и само въ себѣ заключаетъ цѣлый рядъ несообразностей. Достаточно указать слѣдующія: если поставить верхній домъ на нижній (см. стр. 159, 489), то, при указанномъ у Іосифа равенствѣ всѣхъ измѣреній того и другого, со всѣхъ сторонъ получается 4 вертикальныхъ стѣны 120 л. высоты, вслѣдствіе чего рѣшительно не оказывается мѣста ни для притвора, ни для жер

твенника, тѣмъ болѣе для пространства, окружавшаго жертвенникъ, стѣна верхняго дома толщиной въ 6 локтей должна стоять на стѣнѣ въ пять локтей, такъ что одинъ локоть стѣны, вопреки всякой архитектурной вѣроятности, долженъ висѣть; между стѣною нижняго дома и скалою, такъ какъ Иосифъ даетъ комнатамъ всѣхъ трехъ ярусовъ одинаковую пятилоктевую ширину (вопреки прямымъ словамъ Библии), авторъ принужденъ для двухъ ярусовъ проэктировать корридоры (стр. 200) въ одинъ и два локтя ширины при 20-ти локтевой высотѣ, т. е. такіе корридоры, по которымъ едва ли можно свободно двигаться. У Иосифа авторъ усматриваетъ комнаты между стѣною и скалою, а въ библейскихъ источникахъ балконы наружные, при отсутствіи всякаго упоминанія о комнатахъ: отсюда, въ видѣ примиренія, у него при храмѣ являются и балконы, и комнаты, такъ что балконы противорѣчатъ свидѣтельству Флавія, а комнаты противорѣчатъ Библии. Впрочемъ, что касается комнатъ между скалою и стѣною, имѣющихъ существенное значеніе въ проэктѣ автора, то противорѣчіе въ этомъ пунктѣ Флавія Библии объясняется превратнымъ толкованіемъ свидѣтельства Иосифа, т. е. Иосифъ о подобныхъ комнатахъ не говоритъ ничего, и авторъ съ своимъ пониманіемъ противорѣчитъ и всему описанію Иосифа, и яснымъ словамъ его: *περιερχοδόμησε δὲ τὸν ναὸν ἐν κύκλῳ τριάκοντα βραχέων οἴκοις κτλ.*

„И не принимая во вниманіе этой непонятой авторомъ подробности въ описаніи Иосифа, все равно имѣемъ довольное число данныхъ — видѣть непригодность указанныхъ Иосифомъ измѣреній и несоотвѣстіе его описанія свидѣтельствамъ Библии. Считаемъ нужнымъ замѣтить, что противорѣчіе Флавія Библии въ указанномъ пунктѣ — вопросъ давно рѣшенный, и новый путь, по которому пошелъ авторъ, (новый по тому, что онъ давно уже оставленъ), привелъ его лишь къ разногласію и съ Библией, и съ Флавіемъ.

„Итакъ, само по себѣ несостоятельное, для автора же вполне авторитетное и руководственное свидѣтельство Флавія, при томъ неправильно авторомъ понятое, будучи введено во всей силѣ въ ходъ его разсужденій, въ самомъ началѣ не распутывается, а запутывается „видимыя противорѣчія“ и губить въ основаніи всю реставрацію ветхозавѣтнаго храма.

„Въ частности, при описаніи боковой пристройки, на стр. 174 и 175 авторъ приводитъ выдержки изъ Флавія не въ полномъ видѣ, опускаетъ важныя свидѣтельства, которые показываютъ, что храмъ Иерусалимскій имѣлъ длинную архитектурную исторію и что не

всѣ описываемыя Флавіемъ сооружеія выполнены Соломономъ. Имѣемъ въ виду de bello jud. V, V, I.: *τοὺς δ' ἐξῆς αἰῶσιν ἀέλι τι τοῦ λαοῦ προσχωρῶνόντος ἀνισούμενος ὁ λόφος ἠδύρνετο* и Ant. XV. II, 3: *ταύτην πολλοὶ βασιλεῖς οἱ πρόσθεν κατεσκεύασαν*. Попытка различить сооружеія Соломона отъ позднѣйшихъ въ описаніяхъ Иосифа лежала на обязанности автора.—Стр. 176: авторъ принимаетъ высшій въ настоящее время пунктъ—горы Морія за то мѣсто, гдѣ начиналось основаніе задней стѣны Соломонова храма. Между тѣмъ на стр. 395 онъ пишетъ: „во всякомъ случаѣ, не говоря уже о недостаточной изслѣдованности уровней и грунта Морія въ настоящее время, работы по нивелировкѣ вершины горы, продолжавшіяся цѣлый рядъ вѣковъ, открываютъ полную возможность думать, что святая скала (теперешній высшій пунктъ горы) лежитъ *гораздо* ниже того уровня, на которомъ стоялъ главный корпусъ Соломонова храма“ (см. и далѣе).—Стр. 178—179: авторъ ошибочно изъ корневаяго значенія глагола *γ ῶ χ* выводитъ заключеніе о положеніи пристройки *внизу подѣ храмомъ*; скорѣе—наоборотъ. На стр. 183 подѣ буквою в дѣлаетъ нисколько не вытекающее изъ предшествующаго заключеніе, что пристройка имѣла внутреннія комнаты между стѣною и скалою. На стр. 184 замѣчаніе а) говоритъ противъ перевода, сдѣланнаго на стр. 156: въ замѣчаніи в) *γ ῶ χ* въ 3 Ц. 6, 5 произвольно приравнивается „дому боковъ“, на что не уполномачиваютъ ни текстъ, ни переводы, которые однако тутъ же приводятся въ доказательство. На ст. 185 въ выдержкѣ изъ LXX-ти... *τὸ ὕψος αὐτοῦ* переводчики не разумѣютъ, какъ полагаетъ авторъ; „высоты каждой отдѣльной камеры“. На стр. 187—191 неправильно истолковано мѣсто изъ LXX-ти *καὶ τὸ θραέλ* и пр. На стр. 189 пунктъ а) основанъ на неправильномъ переводѣ: „для дома кругомъ вѣ“; въ пунктѣ б) авторъ позволяетъ себѣ утверждать, будто о храмовыхъ стѣнахъ „выразительно сказано, что „пристройка не должна закрывать ихъ“ (стр. 191). Этого указанія нигдѣ нѣтъ, да оно и не можетъ быть найдено. — Выводъ, сдѣланный на стр. 193 („уступовъ невозможно искать въ стѣнахъ храма, они могли быть только на скалѣ, и нигдѣ кромѣ) не соотвѣтствуетъ предшествующимъ ему посылкамъ, и нужно еще доказать, что рѣчь идетъ объ уступахъ, а не о выступахъ. — Неправильный переводъ Иезек. 41, 7 неоднократно повторяется въ аргументаціи касательно нижней пристройки.

„Опуская другія неточности въ деталяхъ, мы необходимо должны сдѣлать тотъ выводъ, что проектъ „нижней пристройки“ (156—217),

пробный камень для всякой гипотезы, можно считать роковымъ для собственной гипотезы автора. Все, что авторъ говоритъ далѣе о цокольномъ этажѣ, объ убранствѣ стѣнъ храма, частію о кровлѣ и притворѣ, терять свое значеніе при иномъ положеніи боковой пристройки и весь внѣшній видъ храма существенно измѣняется.

„Въ описаніи кровли храма авторъ опирается отчасти на аналогіяхъ съ гипотетическимъ шатромъ скинии, отчасти на немногихъ и неясныхъ даныхъ преданія касательно Иродова храма. Если, не входя въ разборъ этого описанія, согласиться съ тѣмъ, что Иродовъ храмъ имѣлъ точь въ точь такую кровлю, все таки, при полномъ отсутствіи библейскихъ указаній, невозможно настаивать на ея тождествѣ по устройству съ кровлею Соломонова или даже Зоровавелева храма.

„Въ описаніи притвора (265 и д.) авторъ доказываетъ правильность масоретскаго чтенія въ 2 Пар. 3, 4 вопреки нѣкоторымъ переводамъ (стр. 270), т. е., что притворъ имѣлъ не двадцать, а сто двадцать локтей высоты (ср. его же аргументацію въ пользу цокольнаго этажа, основанную главнымъ образомъ на уединенно стоящей глоссѣ Сирскаго перевода). Критика текста и переводъ на стр. 268, 269, 271—276 отличаются тѣми же качествами, какія указаны при разборѣ отдѣла о нижней пристройкѣ. Положимъ, однако, что читатель убѣдился бы въ правильности масоретской даты: на стр. 277 онъ увидитъ, что притворъ, по автору, имѣлъ не 120 локтей высоты, а только 50. Выводъ неожиданный. Далѣе оказывается, что цифра 120 должна получиться въ томъ случаѣ, если къ 60-ти локтевой высотѣ притвора, указанной авторомъ, прибавить 60 локтей отъ „нижней пристройки“: такимъ образомъ примиреніе библейскихъ датъ достигается, вопреки всѣмъ вѣроятіямъ, присоединеніемъ высоты сооруженія, которое отдѣлено было отъ притвора платформою жертвенника и самымъ жертвенникомъ. Этотъ приемъ даетъ право обратиться къ автору тотъ вопросъ, который онъ ставитъ на стр. 295: „придетъ ли кому либо въ голову опредѣлять высоту металлической подставки фонаря на паперти храма Христа Спасителя такимъ образомъ, чтобы включить сюда и высоту паперти и даже высоту платформы храма?“.

„Позволяемъ себѣ уклониться отъ подробнаго разсмотрѣнія описанія притвора, гдѣ подобные же приемы повторяются не разъ (напр. опредѣленіе высоты колоннъ) и опять выступаютъ аналогіи съ притворомъ скинии, который построенъ по аналогіи съ притворомъ храма. При опредѣленіи высоты столбовъ (стр. 299 и д.

et passim) различныя даты снова соединяются въ одинъ общій итогъ, такъ что способъ примиренія датъ вообще получаетъ ариометическій характеръ (ср. стр. 27). Впрочемъ авторъ все таки не останавливается на опредѣленной цифрѣ и указываетъ ихъ нѣсколько (стр. 155). § CLV весь по существу своему представляетъ въ себѣ то же *petitio principii*, что и при описаніи входа скинии. Опредѣляя размѣры площади предъ притворомъ и касаясь мѣднаго алтаря, стоявшаго на этой площади, авторъ встрѣчаетъ разногласія показанія текстовъ въ 2 Пар. 4, 1 (стр. 354 и д.) и распредѣляетъ ихъ между двумя алтарями, для чего созидаетъ на основаніи 3 Царствъ 8, 64 (стр. 361) новый алтарь, котораго въ источникахъ не дано, и о которомъ въ 8, 64 не сказано. На стр. 330 въ столпахъ Іахинъ и Боазъ авторъ усматриваетъ символы двухъ столповъ, огненного и облачнаго, и полагаетъ, что это значеніе ихъ выразительно запечатлѣно въ самыхъ названіяхъ. Помимо того, что надлежитъ еще доказать существованіе двухъ столповъ вмѣсто одного, днемъ облачнаго, ночью огненного, примѣненіе названій „Іахинъ и Боазъ“ къ обстоятельствамъ Израильской исторіи (стр. 331) представляетъ натяжку. Еще большей натяжкой считаемъ § CLXVIII, гдѣ авторъ пытается снабдить свой трудъ идейнымъ заключеніемъ и поставить храмъ въ связь съ исторіей еврейской теософіи. При этомъ онъ указываетъ генетическую зависимость позднѣйшихъ іудейско-раввинскихъ идей отъ величественнаго наружнаго вида храма: впечатлѣніе храма на зрителя было „національною колыбелью“, „первичнымъ и конкретнымъ зерномъ“ (стр. 368), изъ котораго выросла позднѣйшая іудейская теософія. Даже колесница Іезекииля (Меркава) привлечена въ сферу тѣхъ результатовъ, которые стоятъ въ зависимости отъ созерцанія храма. Слишкомъ простое объясненіе генезиса великихъ, во всякомъ случаѣ, идей, обозначаемыхъ терминами, которые перечислены на стр. 368!

„Размѣры „отзыва“ не позволили намъ ввести такихъ замѣчаній, для которыхъ потребовалось бы обширное изложеніе критики текста и обстоятельное обоснованіе положительныхъ результатовъ экзегетическаго анализа, а также освѣщеніе многочисленныхъ данныхъ, касающихся исторіи храма; мы не имѣли возможности (и не видѣли надобности) указать даже большей части неправильныхъ переводовъ съ еврейскаго и другихъ текстовъ, невѣрныхъ интерпретацій, неточныхъ ссылокъ и пр., и пр. Если бы все это потребовалось, мы могли бы принять на себя этотъ трудъ. Но и

на основаніи того, что нами указано, осмѣливаемся утверждать, что критико-эксегетическая задача труда выполнена неудовлетворительно; реставраціи автора противорѣчитъ даннымъ источниковъ и во всякомъ случаѣ стоитъ ниже „общепринятой“; основной принципъ реставраціи ложенъ, и чѣмъ настойчивѣе проводится въ подробностяхъ, тѣмъ болѣе ведетъ къ затемнѣнію свидѣтельствъ Библии, а иногда и I. Флавія и др. Самъ авторъ затруднился бы сказать, что новаго внесено имъ въ археологію храма, — новаго, цѣннаго въ научномъ отношеніи.

„Не отрицая мѣткости нѣкоторыхъ критическихъ замѣчаній, на основаніи которыхъ можно бы внести поправки въ общепринятую реставрацію храма, и нѣкоторыхъ удачныхъ эксегетическихъ наблюдений, признавая трудолюбіе автора, цѣня внѣшніи особенности, извѣстныя изъ его прежнихъ трудовъ, тѣмъ не менѣе мы считаемъ настоящей трудъ не достигающимъ того научнаго уровня, который былъ бы достаточенъ для увѣнчанія его высшей богословской степенью“.

б) Отзывъ экстра-ординарнаго профессора Андрея Смирнова:

„Трудъ автора состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Отдѣлъ первый содержитъ описаніе Синайскаго храма или скинии Моусеевой (стр. 29—138), отдѣлъ второй—Иерусалимскаго храма Соломона (139—370). Сочиненію предислано „предисловіе“, въ которомъ авторъ говоритъ о побужденіи, вызвавшемъ настоящую работу, (3—15), и „введеніе“, гдѣ указываются источники и методъ изслѣдованія (17—28), а сопровождается оно обширными „прибавленіями“, въ которыхъ собранъ почти цѣликомъ изученный имъ научный матеріалъ, относящійся къ вопросу о скинии и храмѣ (391—498) съ тою цѣлю, чтобы дать возможность каждому любителю библейской науки самостоятельно работать надъ вопросомъ о Ветхозавѣтномъ храмѣ.

„Если читая предисловіе любитель библейской науки будетъ сожалѣть о томъ, что авторъ не приложилъ къ своей части плановъ и видовъ скинии и храма съ поясненіями и ссылками на параграфы изслѣдованія, обѣщалъ ихъ впрочемъ издать отдѣльно послѣ напечатанія второй части подъ заглавіемъ „внутреннее устройство ветхозавѣтнаго храма“ (стр. 12, 14): то за обширныя прибавленія въ концѣ книги долженъ будетъ высказать большую благодарность и поставить ему это въ большую ученую заслугу, такъ какъ эти прибавленія дѣйствительно дадутъ ему возможность самостоятельно

работать надъ сложнымъ и темнымъ вопросомъ о реставраціи храма даже и вдали отъ библиотечныхъ центровъ.

„Въ талмудѣ есть меланхолическое сказаніе, что когда въ 70 году по Р. Христовѣ догораль уже Іерусалимскій храмъ, построенный на мѣстѣ Соломонова, то священники и стражи бывшаго довѣреннымъ храненію ихъ храма, бросали ключи отъ него къ небу, возглашая Іеговѣ. такъ какъ мы не оказались вѣрными управителями Твоего дома, — ключи отъ него мы передаемъ въ Твои руки! Сказаніе заключаетъ, что явилась рука и взяла подброшенные къ небу ключи, а священники кинулись въ огонь догоравшаго храма, чтобы не пережить его гибели.

„Понятно само собою, что талмудическое сказаніе о храмовыхъ ключахъ, взятыхъ небесною рукою, есть не болѣе, какъ талмудическое сказаніе; но въ основѣ его лежитъ та вѣрная мысль, что когда взяты небомъ безъ возможности возврата ключи отъ храма, — нельзя взойти въ него. Эту мысль можно еще болѣе расширить. Ключи отданы быть можетъ не отъ одного храма, а отъ дворовъ его окружавшихъ. А въ такомъ случаѣ доступъ не только въ него, но и къ нему совсѣмъ для насъ невозможенъ. Мы не можемъ близко подойти къ нему, чтобы его ясно видѣть.

„Понятна незамѣвимая утрата одинаго храма единому Богу; понятно и горячее желаніе получить о немъ хотя бы ясное представленіе. Но насколько не легко получить ясное и вѣрное представленіе о немъ, — объ этомъ свидѣтельствуетъ не малая литература о ветхозавѣтномъ храмѣ отъ временъ талмуда до нашихъ дней. Римскому солдату не стоило большихъ усилій — бросить голову, чтобы до тла сжечь храмъ, строившійся сорокъ шесть лѣтъ (Іоанна, 2; 20); но точно возсоздать его едва ли когда придется. Заключая свое обширное изслѣдованіе о ветхозавѣтномъ храмѣ, въ которомъ подвергнуты критическому обсужденію разнообразныя проэскты его на основаніи различныхъ, относящихся сюда данныхъ, построенныя различными лицами, авторъ его проф. Кіевской Д. Академіи Олесницкій говоритъ: надѣмся, что теперь, когда читателю ясно положеніе вопроса о ветхозавѣтномъ храмѣ, онъ не удивляется болѣе эпиграфу нашего сочиненія, взятому изъ талмудической агады. о, храмъ, храмъ! Сколько трудовъ съ тобою! По буквальному переводу: о, храмъ, храмъ! Зачѣмъ такъ безпокоилъ насъ! Это — не личное отношеніе евреевъ-талмудистовъ къ храму, не плачь о его разрушеніи; но — послѣдствіе разбора многообразныхъ экзегетическихъ и археологическихъ трудностей

въ планѣ храма. Многія затрудненія древнихъ талмудистовъ новая наука уже успѣла преодолѣть; но многія еще остаются неразрѣшенными (Ол., стр. 858). Это послѣднее слово было сказано въ 1889 году. Отсюда всякое новое слово „о безпокоящемъ храмѣ“ должно быть цѣнно уже потому самому, что желаетъ принести собою хотя бы нѣкоторое и неполное успокоеніе. Даже болѣе,—самое заблужденіе можетъ послужить дѣлу приближенія къ истинѣ: было бы искреннее желаніе убавить отъ тяготы „безпокоящаго“ вопроса.

„Г. Муретовъ откровенно, но тѣмъ не менѣе очень кстати, рекомендовалъ себя, поставивъ на первой же (не нумерованной) страницѣ своего труда слова св. Кирилла Александрійскаго: „знаю, что прежде насъ нѣкоторые писали о семъ и составили обширныя изъясненія. Думаю, что это обстоятельство можетъ послужить для иныхъ благодѣльнымъ предлогомъ къ праздности и можетъ расположить ихъ молчать и не прибавлять ничего новаго къ тому, о чемъ другіе говорили уже прежде. Но лучше говорить хотя бы тоже самое и излагать хотя бы тѣже самыя мысли. Если бы пришлось говорить тоже самое, то отъ сего не было бы ни малѣйшаго вреда, напротивъ вслѣдствіе согласія многихъ слушатели утвердились бы въ истинѣ. Думаю, что и мнѣ теперь не слѣдуетъ поддаваться праздности въ томъ убѣжденіи, что усилія и трудъ въ добрыхъ занятіяхъ гораздо лучше безлечной лѣности. И я не совсѣмъ отказался отъ надежды, что могу открыть и что либо новое и отличное отъ сказаннаго другими при содѣйствіи Бога, облегчающаго трудъ толкованія, ибо написано: широка заповѣдь Твоя зѣло“.

„Съ этой точки зрѣнія, принять которую совершенно удобопріемлемо и не противорѣчитъ справедливой даніи уваженія къ тому или иному труду, едва-ли возможно лишать всякаго значенія, совсѣмъ обезцѣнивать трудъ хотя бы на примѣръ Пэна, который много лѣтъ и соображеній посвятилъ усердно такому вопросу, какъ вопросъ: какъ слѣдуетъ расположить 200 гранатовыхъ яблокъ на каждой изъ колоннъ Іахинѣ и Воазѣ такъ, чтобы наблюдающій колонну видѣлъ одновременно 96 яблокъ, какъ это требуется свидѣтельствомъ пророка Іереми? (Ол. стр. 259—260). Пусть будетъ не принята современною наукою эта форма расположенія яблоковъ на колоннахъ (какъ и не принята); но, говоря словами Кіевскаго археолога, мы не можемъ отказать въ уваженіи такому серьезному и дорого стоившему автору разъясненію

(стр. 260). Если тщательная разработка деталей безъотносительно къ результатамъ ея вызываетъ уваженіе со стороны специалистовъ дѣла, — нѣтъ достаточныхъ причинъ отказывать въ немъ труду, имѣвшему цѣлю дать общій вѣрнѣйшій видъ храма, построеннаго Соломономъ. Рѣшенія и неоднократныя перерѣшенія вопроса объ одномъ и томъ же даже однимъ и тѣмъ же лицомъ служатъ лишь только новымъ свидѣтельствомъ о томъ, какъ не лѣнливыхъ людей до сихъ поръ беспокоить храмъ, созданіе вѣрнѣйшаго представления о которомъ такъ желательно во многихъ отношеніяхъ, кромѣ архитектурнаго. Повторимъ снова, что дѣло разрѣшенія много легче дѣла созданія.

„Не можемъ не воспользоваться опять словами проф. Олесницкаго. Только что сказавъ о томъ, какъ Вогюэ и Шикъ отрицали позднѣе то, что ранѣе сами принимали, профессоръ говоритъ: идти далѣе въ своихъ розысканіяхъ, указывать на нынѣшнія площади Харама, линіи стѣнъ корпуса храма и всѣхъ окружавшихъ его зданій и стѣнъ внутреннихъ дворовъ, словомъ — создавать не воображаемый, а дѣйствительный планъ ветхозавѣтнаго храма, на основаніи его дѣйствительной почвы и по сохранившейся его мѣркѣ, въ настоящее время нѣтъ никакой научной возможности. Для этого потребовалось бы снять всю мостовую платформы храма, раскопать площадь по всѣмъ направленіямъ и осмотрѣть сохранившіеся подъ нею слѣды древнихъ построекъ такъ же свободно, какъ осматриваются другія покинутыя древнія развалины. Но такъ какъ это невозможно, такъ какъ мы обязаны довольствоваться тѣмъ, что мы знаемъ о расположеніи внутренняго двора и храма на основаніи однихъ письменныхъ свидѣтельствъ, независимо отъ закрытаго таинственною цѣленою мѣстнаго грунта, то и вопросъ о ветхозавѣтномъ храмѣ не можетъ быть рѣшенъ окончательно. При такихъ обстоятельствахъ и всѣ приговоры касательно правильности или неправильности того или другого проекта храма могутъ имѣть только относительное значеніе. Трудно предвидѣть, что укажутъ дальнѣйшія раскопки того грунта, въ которомъ по преданію доселѣ хранится ковчегъ Завѣта и древній Моисеевъ свитокъ закона. Отказываясь такимъ образомъ отъ мысли прибавлять къ существующимъ планамъ свой новый планъ храма, взамѣнъ этого познакомимъ читателей съ подробностями модели храма Шика, этого по истинѣ монументальнаго произведенія науки и искусства, справедливо признаннаго вершиною доступнаго въ настоящее время знанія о ветхозавѣтномъ храмѣ. Нужно замѣ-

тять, что Шикъ, по его собственному признанію, посвятилъ вопросу о храмѣ ветхозавѣтномъ досуги 35 лѣтъ жизни, слѣдовательно передумалъ объ этомъ предметѣ не меньше знаменитаго Вилляпанда, работавшаго по этому вопросу почти такой же срокъ. (Ол. стр. XVIII, 800—801).

„Почти соглашается съ этимъ и г. Муретовъ. „Пока, говоритъ онъ, фундаменты, натуральные уровни горы Моріа извѣстны только отрывочно и случайно, дотолѣ въ наукѣ не можетъ быть серьезной рѣчи о детальной реставраціи окружавшихъ ветхозавѣтнѣйшій храмъ дворовъ и проч. Всякая попытка въ этомъ родѣ, хотя бы на нее былъ употребленъ даже тридцатилѣтній досугъ жизни, по меньшей мѣрѣ преждевременна и бесполезна, такъ какъ не сегодня—завтра землетрясеніе или другой случай могутъ открыть наукѣ лежація подъ помостомъ харама археологическія сокровища,—и эти великолѣпныя модели Шиковъ подвергнутся опасности оказаться воздушными замками, не имѣющими подъ собою даже и песчаной почвы“ (Мур. стр. 17). Конечно, это возможно; но вѣдь въ такомъ случаѣ землетрясеніе коснется вѣроятно не одной только модели Шика, а и другихъ... Останутся лишь неразрушенными труды людей, положенные на построеніе моделей, и, при всей могущей обнаружиться непригодности ихъ, всетаки затраченные труды не потеряютъ окончательно въ своей цѣнности и уваженіи къ трудившимся въ изысканіи истины.

„Нашъ авторъ считаетъ возможнымъ въ настоящее время дать лишь общій видъ храма. До сихъ поръ существовавшіе опыты возстановленія ветхозавѣтнаго храма во всѣхъ подробностяхъ суть только архитектурно-художественныя фантазіи, основывающіяся на сцѣпленіи разныхъ возможныхъ вѣроятностей, а не на дѣйствительно исторической и научно-археологической почвѣ. Въ реставраціяхъ подобнаго рода могутъ быть разные мотивы, болѣе или менѣе художественные и эффектные; но все же это только фантастическія грезы на разные лады, а не наука (стр. 18). Храмъ то принимаетъ красивыя и причудливыя формы средневѣковаго замка, лондонскаго вокзала и др. (стр. 27, 145), то является какимъ то малымъ по своимъ размѣрамъ и бѣднымъ по архитектурѣ зданіемъ, не имѣющимъ вида, ниже доброты (147), между тѣмъ какъ этотъ храмъ долженъ быть величественнѣйшимъ и высокимъ, которому должна быть отдана пальма первенства между всѣми храмами древняго міра извѣстными Титу, вопреки желанію котораго сожженъ былъ Иродовъ храмъ, уступившій по

величію Соломонову и по размѣрамъ и по отдѣлкѣ. Можно ли же считать наилучшею реставраціею храма Соломонова узкое и невысокое зданіе съ маленькими окнами нашихъ подкрышныхъ этажей, имѣющее съ своимъ низенькимъ крыльцомъ около пятидесяти аршинъ длины, двадцати четырехъ ширины и при всѣхъ натяжкахъ около двадцати девяти аршинъ высоты=42 локтя (144 стр.), которая при томъ скрадывалась и загромождалась боковыми пристройками казарменнаго вида? Все зданіе въ его цѣломъ при такихъ размѣрахъ будетъ представлять домъ или гостиницу средней руки въ какомъ либо нашемъ губернскомъ городѣ (148—149). Авторъ, окончивъ изученіе дома Божія, даетъ ему напротивъ такія измѣренія: длина—семьдесятъ локтей, считая локоть равнымъ $10\frac{3}{4}$ нашихъ вершковъ, ширина—тридцать два локтя, высота—шестьдесятъ локтей (стр. 264—265). А такъ какъ топографическія условія вершины горы Морія заставили Соломона сдѣлать къ храму огромную нижнюю подстройку въ видѣ террасы шестидесяти-локтевой высоты, то вмѣстѣ съ этою окружною нижнею подстройкою все зданіе храма достигало сто двадцатиллоктевой высоты (стр. 276). Такой храмъ можно назвать величественнѣйшимъ и высокимъ, какъ онъ и называется въ библіи и каковымъ желалъ его выстроить для Господа Давидъ (140, 148). Въ архитектурическомъ отношеніи пристройка представляла съ храмомъ единое и нераздѣльное цѣлое (151).

„Считаемъ нужнымъ отмѣтить, что авторъ знакомитъ читателя съ достойною всякаго вниманія и высокой опѣнки исторіею своего труда о величественномъ храмѣ единому Богу. Издаваемый трудъ, говоритъ онъ, между прочимъ имѣетъ апологетическую задачу и свой настоящій видъ принялъ неожиданно для самаго автора. Занимаясь по своему положенію доцента Академіи истолкованіемъ и сравненіемъ посланія къ Евреямъ съ прочими посланіями св. Ап. Павла, онъ непосредственно убѣждался въ томъ, что это—такъ оспариваемое западною наукою—посланіе не только имѣетъ мысли Апостола, но и въ движеніи мыслей, способѣ ихъ раскрытія, даже въ отѣнкахъ слововыраженія и словосочетанія мы повсюду узнаемъ работу боговдохновенной мысли великаго Апостола языковъ, писателя другихъ посланій, носящихъ его имя... Для изучающаго это посланіе необходимо однако общее знакомство съ нѣкоторыми сторонами библейской археологіи... Одна сторона имѣетъ здѣсь особо важное значеніе,—это описаніе Ковчега Завѣта и ветхозавѣтнаго храма въ 9 главѣ... Началось изученіемъ

собственно ковчега и внутренняго устройства храма. Но оказалось необходимымъ имѣть самое отчетливое представленіе и о наружномъ видѣ храма, и при томъ не только Соломонова, но и Иродова. Желая разрѣшить многія возникшія при этомъ недоумѣнія и неясности, авторъ спутешествовалъ въ Іерусалимъ и самолично познакомился съ топографическою обстановкою храма. При первомъ же посѣщеніи Харама-еш-Шерифъ и особенно при видѣ святой скалы въ Омаровой мечети, у автора сразу же сложилось совершенно ясное и вполне законченное общее представленіе о ветхозавѣтномъ храмѣ. При дальнѣйшихъ посѣщеніяхъ Харама, постепенно освѣщались для автора многія, казавшіяся ранѣе неясными, стороны предмета. Разрозненныя, неполныя и повидимому противорѣчивыя даты первоисточниковъ сложились здѣсь, какъ это думалось и думается автору, въ стройный и цѣлостный образъ ветхозавѣтнаго храма,—и при томъ такой образъ, который, обобщая и собирая въ себѣ все показанія авторитетныхъ источниковъ, вполне соответствуетъ и датамъ посланія къ Евреямъ. Такъ изъ *небольшаго параграфа введенія* къ посланію получилось особое и *спеціальное изслѣдованіе о ветхозавѣтномъ храмѣ*, которое авторъ и рѣшается издать отдѣльно (стр. 5—8). Въ своемъ изслѣдованіи авторъ и дѣлаетъ опытъ реставраціи подлиннаго, какъ ему думается, вида ветхозавѣтнаго храма (стр. 28).

„Едва ли кто рѣшится сказать, что *небольшой параграфъ* введенія, вымучившій рѣшеніе на *большое путешествіе* и спеціальное затѣмъ изслѣдованіе, въ цѣляхъ далеко не неважныхъ для православной науки, есть только и только плодъ досуга или разгоряченной фантазіи. Пишущему отзывъ о сочиненіи Муретова хочется сказать то, что если бы землетрясеніе или какой иной случай оставили модель напр. Шика висящую на воздухѣ, это обстоятельство ве совсѣмъ отнимало бы цѣну у трудовъ Шика. Предположимъ (а при этомъ вспомнимъ слова проф. Олесницкаго о томъ, что все приговоры касательно правильности или неправильности того или другого проэкта храма могутъ имѣть только относительное значеніе), что и нашъ авторъ даже поддался иллюзіямъ за время предшествующее посѣщенію Іерусалима, но посвященное имъ однакоже серьезному изученію литературы храма, и послѣдующее,—когда разсѣять таковыя, если они были очевидны, могъ появившійся трудъ проф. Олесницкаго,—но согласимся, что и эти сейчасъ упомянутыя иллюзіи (а есть ли онѣ въ его трудѣ?) настолько цѣнны, — какъ искренняя дань наукѣ,

что обходить и ихъ (если бы, повторяемъ опять, онѣ были), безъ всякаго вниманія было бы несправедливо. Варрентъ, передавая свидѣтельство одного арабскаго историка по поводу храма, приводитъ между прочимъ его полныя смысла слова: чего не говорятъ люди? Истину же знаетъ одинъ Богъ (Ол. стр. 770).

„Отдавая полную дань уваженія труду проф. Олесницкаго, какъ труду капитальному, въ которомъ достаточно обследованы всѣ раннѣйшія изысканія по вопросу о храмѣ, г. Муретовъ тѣмъ не менѣе существенно расходится какъ въ общемъ принципѣ, такъ и во многихъ частностяхъ съ обычною реставраціею храма (стр. 9—10) и ни одинъ изъ тѣхъ видовъ и плановъ, которые переизданы въ трудѣ Олесницкаго, не можетъ признать даже приблизительно подлиннымъ Давидовымъ и всего менѣе удачнымъ общепринятый на западѣ и рекомендуемый Олесницкимъ, какъ лучший изъ существующихъ видовъ соломонова храма (144). Эта общественная реставрація по его мнѣнію оказывается возможною лишь благодаря огульному отрицанію всѣхъ научно археологическихъ датъ и предпочитанію имъ личнаго произволенія новѣйшими учеными западными (149).

„Хорошо понимая нелегкость рѣшенія вопроса о храмѣ, авторъ дѣлаетъ ту оговорку, что только тамъ, гдѣ наука ступаетъ еще младенческими и нетвердыми шагами, разномнѣніе можетъ считаться вражескимъ нападеніемъ одного изслѣдователя на другаго. Къ труду Олесницкаго онъ, быть можетъ какъ никто, относится съ глубочайшимъ уваженіемъ. При массивной эрудиціи, при всестороннемъ обследованіи топографическихъ и археологическихъ датъ, при оригинальности и свѣжести многихъ предположеній и пр. изслѣдованіе кievскаго ученаго московскій ученый считаетъ драгоцѣннымъ особенно тѣмъ, что оно устраняетъ необходимость изученія обширной западно-европейской литературы по данному вопросу. Эта одна книга, говоритъ онъ, замѣняетъ тридцать и болѣе томовъ иностранныхъ: въ ней собрано, продумано и свѣрено все, что западъ выработалъ доселѣ научнаго по данному вопросу. Съ этой книгой въ рукахъ можно составлять новыя концепціи, давать новыя объясненія темнымъ датамъ, вообще жить въ этой области серьезною научною жизнію. Кратко, для научнаго путешествія въ такую область, какъ археологія ветхозавѣтнаго храма, въ настоящее время вполне достаточно заготовить изученіемъ а) первоисточниковъ, б) Харама-еш-Шерифъ и в) Ветхозавѣтнаго храма А. А. Олесницкаго.

„Конечно ученая скромность заставила нашего автора выпукло выставлять заслуги другихъ и сказать о себѣ, что въ разсужденіи недостатковъ и погрѣшностей трудившійся можетъ сказать словами одного древне-христіанскаго писателя: у кого же ихъ нѣтъ“ и аппеллировать къ извѣстному: homo sum (стр. 15).

„Мы держимся того мнѣнія, что трудъ Муретова восполняетъ трудъ Олесницкаго. Если послѣдній замѣняетъ собою обширную западную литературу,—то первый предлагаетъ любителю библейской науки почти цѣликомъ разнообразный научный матеріалъ, который не только трудно, а иногда и совсѣмъ невозможно добыть въ мѣстахъ, удаленныхъ отъ большихъ библиотечныхъ русскихъ центровъ. Это и даетъ нашъ авторъ въ своихъ обширныхъ прибавленіяхъ въ руки тѣмъ, кто имѣетъ охоту къ занятію предметомъ. Конечно, какъ третье условіе, нашъ авторъ выставляетъ еще изученіе Харамъ-епи-Шерифъ. Но нужно ли здѣсь, умалчивая о всемъ прочемъ, говорить, что не всякій homo владѣетъ такою любовью къ дѣлу и энергіею, чтобы на тѣ средства, какія даетъ служба доцента Академіи, сняться изъ Сергіева Посада и насколько было этихъ средствъ и времени если не изучить—на что требуются годы и кое-что иное—то осмотрѣть Харамъ только для того, чтобы по долгу службы доцента на кафедрѣ Св. Писанія Новаго Завѣта дать своимъ слушателямъ ясное и отчетливое, по крайнему разумѣнію, истолкованіе *одной только 9 главы изъ посланія Ап. Павла къ Евреямъ?* Всякій согласится, кажется, что это явленіе—подвигъ своего рода, который и можетъ и долженъ закрыть многіе изъ недостатковъ всякаго человѣческаго труда.

„Выше сказано, что труду Кіевскаго археолога отдана великая дань уваженія; но разномнѣнія авторъ не считаетъ вражескими нападеніями,—недостойными и вспоминаться въ такомъ великомъ дѣлѣ, какъ сильное служеніе наукѣ, по существу своему безпристрастной. Въ самомъ благородномъ смыслѣ держась поговорки: *du choc des opinions jaillit la verité*, онъ говоритъ, что долженъ былъ ввести въ свою книгу и критическій элементъ, чтобы не оставить свой трудъ беззащитнымъ противъ ученѣйшей апологіи общепризнаннаго взгляда русскимъ археологомъ, съ которымъ онъ существенно расходится какъ въ общемъ принципѣ, такъ и во всѣхъ почти деталяхъ. (8—9)

„Если, говоритъ Муретовъ, Олесницкій утверждаетъ, что Мовсеева скинія должна была только лишь послужить основною моделью Іерусалимскаго храма, но въ подробностяхъ планъ Соло-

моновова храма безъошибочно можно назвать *новымъ вторымъ* планомъ в. святилища, — то мы напротивъ, основываясь на деталь-ныхъ совпаденіяхъ во внутреннемъ устройствѣ обоихъ святилищъ, можемъ и *должны мотивъ подражанія синайскому образцу переносить не только на общій планъ внешней архитектуры храма, но и на всѣ главнѣйшія подробности ея.* (Этотъ основной мотивъ состоялъ по Муретову въ удвоеніи скиніи (стр. 68). Въ виду этого, ясно и настойчиво указываемаго бібліею, мотива архитектуры Соломонова храма, отступленія въ ней отъ Синайскаго образца научно могутъ быть допускаемы современными реставраторами только такія, которыя были дѣломъ архит. необходимости или влѣдствіе строительнаго матеріала, или же топографическихъ условій горы Моріа (143).

„Такое разномнѣніе въ реставраціи Соломонова храма уводитъ къ вопросу о томъ, какъ слѣдуетъ представлять себѣ скинію? Въ біблейскихъ данныхъ повидимому даны точныя числа и мѣры столбовъ, покрываль и пр. Оставалось бы только, пользуясь указаннымъ, строить. Но дѣло въ томъ, что по сужденію нашего автора біблейское краткое описаніе, какъ главнѣйшій документъ, по частямъ вкривъ и вкось, мудрено и немудрено толкуется новѣйшими экзегетами такъ, что получаетъ цѣлый лабиринтъ самыхъ разнообразныхъ предположеній (стр. 70), а нѣкоторыя частности составляютъ до настоящаго времени археологическую задачу, не нашедшую для себя удовлетворительнаго разрѣшенія (70 ср. Ол. 70). Между тѣмъ, находя сложныя и искусственныя операціи надъ простыми и совершенно ясными, какъ этимологически, такъ и синтаксически, выраженіями совершенно излишними по ихъ замысловатости (стр. 75), нашъ авторъ думаетъ, что иныя археологическія задачи, не находившія себѣ до сихъ поръ удовлетворительнаго разрѣшенія, разрѣшаются весьма просто (стр. 88 ср. 133). Съ разрѣшеніемъ же задачъ такого рода прямымъ образомъ связывается представленіе объ истинномъ внѣшнемъ видѣ скиніи Моисея, послужившей точнымъ образцемъ истиннаго храма Соломонова. Держась, какъ и всегда, буквального и простѣйшаго пониманія біблейскихъ датъ и обрацая вниманіе на то, что біблейское описаніе всей вообще скиніи начинается не съ деревяннаго дома, но съ покрываль и шатра, авторъ дѣлаетъ отсюда тотъ важный выводъ, что въ опредѣленіи общаго наружнаго вида скиніи *не слѣдуетъ* выходить изъ деревянной ея части и сообразно съ этою частію раскидывать покрывало, а *наоборотъ*

по такому или иному расположенію шатра должно судить и о самой деревянной части, напр. о постановкѣ и размѣрахъ входныхъ колоннъ, угловыхъ столбовъ и пр. Такой приемъ даетъ въ руки автору ключъ къ отысканію того *πρότον ψεδδος*, который легъ въ основу ящикообразнаго представленія скинии, отовсюду закутанной шерстянымъ плащемъ (стр. 104—105). Правда, иные считаютъ нужнымъ приподнять крышу скинии и дать ей четырехскатный видъ; но это не болѣе, какъ невольная дань эстетическому чувству, не мирящемуся съ представленіемъ шатра въ формѣ длиннаго, узкаго и сравнительно низкаго ящика. Между тѣмъ, если аналогія храма со скиніею (эту аналогію авторъ проводитъ даже гораздо далѣе, стр. 14) должна имѣть научный вѣсъ,—то шатру скинии необходимо дать существенное значеніе въ общемъ видѣ ея (скинии)—подобно, на примѣръ, тому, какое имѣетъ крыша въ деревянныхъ русскихъ постройкахъ стариннаго образца (107).

„Какъ же слѣдуетъ расположить покровъ по длинѣ скинии, когда дана его общая мѣра въ одну сторону въ 30 локтей, а въ другую въ 44 локтя? Отвергая различныя интерпретаціи, какъ не согласныя съ прямыми, ясными и простыми показаніями библіи, авторъ утверждаетъ, что на продольныя стѣны скинии изъ 30 локтей покрыва свѣшиваются только по одному локтю съ каждой стороны, остающіеся же 28 должны быть распредѣлены надъ десятилоктевою шириною скинии (стр. 111). Изъ нѣсколькихъ возможностей раскинуть извѣстной мѣры покровъ надъ деревянною основою скинии, при извѣстной ея длинѣ и ширинѣ — остается одна возможность—представлять крышу скинии двухскатною, съ легкимъ склономъ на западной сторонѣ... Высота всей скинии будетъ по вычисленіямъ автора равна 23 локтямъ. Такой выводъ, стоившій автору не малаго труда по толкованію библейскаго текста (110) и встрѣчающихся здѣсь техническихъ терминовъ (80), представляется ему тѣмъ болѣе примѣчательнымъ, что удовлетворяя всѣмъ библейскимъ датамъ касательно устройства скинии, онъ съ математическою точностію соотвѣтствуетъ мотиву удвоенія скинии, лежащему въ основѣ архитектуры Соломонова храма (120).

„Во введеніи (стр. 19—28) авторъ высказалъ тѣ методическія начала, которыми онъ будетъ руководствоваться при реставраціи храма Соломонова. Онъ не позволяетъ себѣ на мѣсто масоретскаго чтенія библіи еврейской подставлять другія, возможныя и нѣроятныя чтенія, смотря на такія разночтенія, придумываемыя новѣйшими учеными такъ же, какъ и на разные художественно-

архитектурные мотивы въ реставраціи храма, т. е. какъ на одну изъ безчисленнаго множества другихъ возможностей, которыя уже по тому самому не могутъ имѣть серьезнаго значенія. Это—по его выраженію—не болѣе, какъ филологическое остроуміе. Большое значеніе онъ признаетъ за древними переводами и особенно LXX, такъ какъ въ эпоху этихъ толковниковъ могли быть еще самыя свѣжія и точныя воспоминанія, какъ о храмѣ, такъ и о скинии, хранившейся въ храмѣ. Въ иныхъ случаяхъ рѣшающее значеніе имѣетъ Иосифъ Флавій, какъ питомецъ іудейской школы и ея преданій... А такъ какъ каждая гипотеза тѣмъ болѣе выигрываетъ въ научности, чѣмъ большее количество датъ она захватываетъ и примиряетъ, то безъ всякихъ колебаній надобно отдать предпочтеніе той гипотезѣ, которая объединяетъ и кладетъ въ научное основаніе всѣ, или почти всѣ, даты.

„Такую нелегкую, кропотливую задачу авторъ и преслѣдуетъ, сводя разнообразныя даты съ другими непрерываемыми данными, дающими, какъ онъ думаетъ, право утверждать, что основнымъ мотивомъ не только общей архитектуры храма Соломонова, но и ея многихъ деталей было подражаніе скинии въ увеличенныхъ (удвоенныхъ) размѣрахъ,—и отступленія отъ Синайскаго образца зависѣли или отъ строительнаго матеріала или же отъ топографическихъ условій.

„Обслѣдуя раздѣльно, по параграфамъ, всѣ главнѣйшія части, входившія въ составъ скинии и Соломонова храма и ихъ—частей—размѣры, при чемъ требовалось выясненіе темныхъ спорныхъ отдѣльныхъ терминовъ и мѣстъ (стр. 79, 89, 130 и др.), нашъ авторъ при реставраціи вездѣ преслѣдуетъ *математическую точность*.

„Такое преслѣдованіе полученія соотвѣтствія цифровыхъ данныхъ (ср. стр. 22) однихъ источниковъ съ другими съ математическою точностью, конечно, принуждаетъ иногда автора нѣсколько отступать отъ своихъ строгихъ „методическихъ началъ“ и исправлять напр. чтеніе текста (стр. 269, 344—345) и предполагать ошибки писцовъ (241). Но въ общемъ математическая точность усиленно имъ преслѣдуется, приводя его къ положительному заключенію даже по такому частному вопросу, какъ вопросъ объ устройствѣ дверей: итакъ, представляя въ общемъ удвоеніе Синайскаго образца, и въ устройствѣ самыхъ дверей съ математическою точностью соотвѣтствуя Моисеевой скинии,—входы Соломонова храма служатъ неопровержимымъ доказательствомъ вѣр-

ности принятаго нами основнаго мотива архитектуры храма (348—349)

„Приходится ему иногда отказать въ большемъ вѣсѣ и рѣшающемъ значеніи и показаніямъ I. Флавія (21), такъ такъ и онъ—хранитель преданій и человекъ научно понимавшій историческую правду иногда поверхностно понималъ библейскія даты (31). Неустойчивость и разнообразіе переводныхъ текстовъ по мѣстамъ даютъ ему видѣть, что древне-іудейское преданіе не сохранило по инымъ пунктамъ никакого отчетливаго воспоминанія (238). Понятное дѣло, что инныя детали въ вопросѣ объ устройствѣ скинии и храма по недостатку данныхъ должны еще оставаться открытыми по признанію самого автора (129) или же инныя данныя въ библейскихъ текстахъ мѣры позволяютъ многія и разнообразныя ихъ примѣненія и заставляютъ воздерживаться отъ опредѣленныхъ выводовъ (187—188).

„Нужно владѣть исключительными свѣдѣніями въ строительной наукѣ, чтобы произнести рѣшительный приговоръ надъ той или другой стороной реставраціи скинии и храма,—чѣмъ рецензентъ не владѣетъ. Напримѣръ, чтобы принять безусловно тотъ видъ скинии, какой даетъ ей авторъ, можетъ быть по требованіямъ строительной науки слѣдуетъ предварительно вычислить совершенно точно и безошибочно ту силу сопротивления, какую должно давать кольцо въ углу соединенія стропиль для вкладыванія въ него и утвержденія гребня, или верхняго шеста (хотя о немъ ясно не говорится), служившаго князькомъ для шатерной кровли скинии“, состоявшей изъ громадныхъ шерстяныхъ и кожаныхъ покрововъ и признать умѣстность и неизбежность этого кольца (стр. 86—88, 125)—какъ это признаетъ авторъ, на основаніи Исх. 26, 23—24—мѣста труднѣйшаго для изслѣдователей вопроса о скинии. А такими свѣдѣніями рецензентъ не обладаетъ, но соглашается съ авторомъ въ томъ, что описаніе храма (и скинии) дано имъ столь полное и подробное, что каждый, кто пожелаетъ и можетъ, легко составить по нему рисунки и модели (14) величественнаго храма единому Богу.

„Сказать же, что эта или та модель совершенно безспорно соответствуетъ скинии Моисея и храму Соломона могутъ лишь Веселиль и Хирамъ.

„И важность цѣли, побудившей автора къ такому труду, какъ изслѣдованіе о ветхозавѣтномъ храмѣ и энергія въ преслѣдованіи этой цѣли—разумѣемъ путешествіе въ Іерусалимъ—и желаніе

автора своимъ изслѣдованіемъ и собраніемъ въ немъ научныхъ данныхъ вызвать русскихъ любителей библейской науки къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ труднаго вопроса о храмѣ—все это заставляетъ насъ признать трудъ г. Муретова рѣшительно заслуживающимъ искомой имъ ученой степени доктора“.

VI. Письменное заявленіе О. Ректора Академіи:

„Въ качествѣ преподавателя св. Писанія Ветхого Заѣта, считаю долгомъ высказать свои соображенія по поводу неожиданнаго и для многихъ можетъ быть непонятнаго появленія отрицательнаго отзыва одного изъ рецензентовъ объ извѣстной Совѣту по своимъ достоинствамъ диссертациі доцента М. Муретова подъ заглавіемъ: „Ветхозавѣтный храмъ Часть первая. Внѣшній видъ храма“. Отзывъ доцента А. Жданова состоитъ изъ двухъ неравныхъ частей, при чемъ большая (22 стр изъ 35) посвящена критикѣ различныхъ частныхъ предлагаемой докторантомъ распланировки частей ветхозавѣтнаго храма. На разборъ этихъ то частныхъ рецензентъ посвятилъ столько труда, входя въ соображенія не только филологическія, но и математическія и архитектурныя, что весьма естественно увлекся ими слишкомъ далеко и написалъ имъ значеніе, вовсе не заслуженное. Увлеченіе это выразилось въ томъ, что составитель отзыва повидимому ограничиваетъ всю ученую оцѣнку разбираемаго сочиненія критикой кажущихся ему архитектурныхъ и вообще детальныхъ промаховъ и потому естественно предлагаетъ оцѣнку самую невыгодную для докторанта,—настолько невыгодную, что не считаетъ даже нужнымъ объяснить, хотя бы въ интересахъ научно-логической обоснованности своего отзыва, въ чемъ заключаются упоминаемые въ заключеніи послѣдняго удачные выводы автора сочиненія, *„на основаніи которыхъ можно-бы внести поправки въ общепринятую реставрацію храма“*, а равно и *„нѣкоторыя удачныя эстетическія наблюденія“*. Это было-бы тѣмъ интереснѣе, что безъ специальныхъ разъясненій читатели отзыва едва-ли сдумаютъ согласить подобныя выдержки съ тѣмъ самымъ тяжкимъ обвиненіемъ, которое направляетъ рецензентъ на автора въ первой и важнѣйшей части своего отзыва, утверждая, что авторъ ничего новаго не принесъ въ литературу вопроса. Вотъ выраженіе отзыва: „надежда автора открыть что-либо новое и отличное отъ сказаннаго другими тамъ, гдѣ это новое можетъ имѣть какое-либо научное значеніе,—находитъ себѣ осуществленіе лишь примѣнительно къ тѣмъ даннымъ, которыя собраны въ трудѣ г. Олесницкаго“. Опровергая въ заклю-

ченіи своего отзыва приведенное главнѣйшее положеніе своей критики, рецензентъ не удовлетворяетъ читателя и всею вообще первою частію отзыва. Эту часть мы назвали важнѣйшею, потому что она именно претендуетъ на сужденіе о диссертациі по существу, но ее можно назвать и единственною, потому что вторая часть какъ по узко-спеціальному содержанію, такъ и по догматическому, часто вовсе необоснованному методу изложенія (см. напр. стр. 25 къ § 78) можетъ быть или только принята на вѣру, или должна быть провѣрена посредствомъ цѣлаго ряда ученыхъ работъ. Итакъ, читателю предлежитъ знаться съ первою частью отзыва, исключивъ изъ него главнѣйшее положеніе, какъ отвергнутое самимъ рецензентомъ. Что же находитъ читатель въ этой части? 1) Пѣсколько вводныхъ замѣчаній; 2) разборъ сужденій автора о сравнительной цѣнности первоисточниковъ и ученыхъ пособій, и 3) краткую оцѣнку метода диссертациі.

„Что касается до вводныхъ примѣчаній, то они представляютъ собою довольно употребительныя въ отзывахъ, но очень малозначущія въ научномъ отношеніи, хотя и не злонамѣренныя, *стиллистическія придирки*, указывающія на недостаточную точность заглавія и на невыполненность въ изданномъ томѣ сочиненія нѣкоторыхъ предначертаній, отложенныхъ авторомъ до втораго тома.

„Оцѣнка метода диссертациі изложена рецензентомъ въ одномъ единственномъ положеніи, именно: онъ находитъ *circulus vitiosus* въ принятомъ методѣ автора—*пользоваться описаніемъ устройства всѣхъ трехъ ветхозавѣтныхъ храмовъ, попомяя пробѣлы одного описанія другими*. Мы здѣсь не видимъ такого логическаго круга, ибо если-бъ дѣйствительность не давала докторанту права на подобныя пополненія, т. е. если бы храмы были построены по разнымъ планамъ, то и пополненія были бы невозможны, какъ напр. при недостаточной полнотѣ плана пятиглаваго Успенскаго Собора ни одинъ архитекторъ не сдумѣлъ бы возстановить рисунокъ его главъ съ рисунка Троицкаго собора, имѣющаго всего одну главу. Не удовлетворившись первымъ и третьимъ пунктами первой части отзыва, читатель видитъ себя принужденнымъ принять отзывъ на основаніи одного втораго пункта первой части, но каково же его недоумѣніе, когда онъ перечитавъ снова этотъ пунктъ, окончательно убѣждается, что рѣчь идетъ не о содержаніи диссертациі, но а) отчасти о вѣчно неразрѣшимыхъ общихъ вопросахъ, въ родѣ степени достовѣрности Іосифа Флавія, сравнительной цѣнности библейскихъ текстовъ и переводовъ, а б) отчасти о слу-

чайныхъ, опять же частныхъ ошибкахъ автора, которыя впрочемъ можно признать и не ошибками, а ошибочно принимаемыми за таковыя со стороны рецензента.

„а) Остановливаясь на общихъ сужденіяхъ, напр. о преимущественной цѣнности Филона предъ Флавіемъ, о незаконности пренебрежительнаго сужденія докторанта относительно достоинства древнихъ и новыхъ переводовъ Библии и о несогласной съ мнѣніемъ рецензента градаціи этихъ переводовъ въ разбираемой диссертациі, авторъ отзыва однако не выясняетъ тутъ же, какими именно ошибочными результатами на вопросъ объ устройствѣ ветхозавѣтнаго храма отозвались всѣ эти общія якобы заблужденія докторанта. Между тѣмъ, пока такое выясненіе не сдѣлано, подобная полемика немногимъ больше интересна для читателя отзыва, чѣмъ если-бы рецензентъ сталъ доказывать, что авторъ несогласно съ требованіями науки приводитъ въ эпитаграфъ своего труда псаломское изреченіе въ чтеніи 70: „воскреси Господи, въ покой Твой“, а не по масоретскому чтенію—„стань, Господи, на мѣсто покоя Твоего“, тѣмъ болѣе, что то или иное чтеніе этого стиха, имѣетъ огромную важность въ богословскомъ отношеніи. Что касается до оцѣнки отношеній автора къ ученымъ пособіямъ, то рецензентъ ставитъ ему въ упрекъ недостатокъ вниманія къ образцамъ германской экзегетики разбираемыхъ мѣстъ Библии и полемическое отношеніе къ труду Олесницкаго, но опять же не только не показываетъ, къ какимъ ошибкамъ привели автора подобныя отношенія къ пособіямъ, а напротивъ, начинаетъ убѣждать насъ, что диссертациія страдаетъ отъ излишняго *довѣрія* къ Олесницкому, который будто-бы закрылъ отъ глазъ автора ученое изслѣдованіе Фергюсона, на самомъ дѣлѣ предупредившее всѣ открытія послѣдняго (а между тѣмъ Фергюсонъ упоминается у Властова и едва-ли могъ остаться неизвѣстнымъ докторанту). Дальнѣйшихъ промаховъ, въ которые будто-бы ввело автора довѣріе къ Олесницкому, мы коснемся въ параграфѣ *β*, а теперь скажемъ, что едва-ли не единственнымъ чувствительнымъ упрекомъ въ этой общедоступной *первой части* отзыва является замѣчаніе на стр. 8,—будто-бы авторъ, пользуясь переводами для описанія храма, „не принимаетъ во вниманіе извѣстнаго представленія о храмѣ, лежащаго въ основѣ каждаго перевода, но вырываетъ изъ общей связи тѣ частныя черты каждаго перевода, какія ему выгодны“. Впрочемъ, и это замѣчаніе остается необоснованнымъ и можетъ быть принято только на вѣру.

„β) Что касается *отдѣльныхъ ошибокъ* автора, указанныхъ въ отзывѣ, то мы сказали, что дѣйствительная ошибочность ихъ весьма условна. Такъ, рецензентъ совѣтъ напрасно находитъ противорѣчіе между утвержденіемъ автора о томъ, что „эпоха 70-ти могла имѣть еще самыя свѣжія и точвыя воспоминанія какъ о храмѣ Соломоновомъ, такъ и о скини, хранящейся въ немъ“,—съ другимъ, что „ближайшее представленіе объ устройствѣ входа скини легко могло совѣтъ утратиться изъ іудейскаго преданія въ періодъ Соломона“. Во-вторыхъ, по представленію автора, въ храмѣ Соломона помѣщалось только святое святыхъ скини, а во-вторыхъ, если рѣчь идетъ о воспоминаніяхъ, то детали всегда могутъ изъ нихъ изгладиться. Далѣе, утверженіе рецензента о томъ, что Исх. 33, 20 говоритъ не о храмѣ, а объ Іерусалимѣ, требуетъ доказательствъ, а его утверженіе, будто Тов. 14, 5 „ничего“ не говорится о Іерусалимскомъ домѣ Божіемъ, необыкновенно величественномъ,—прямо странно, ибо тамъ это выраженіе имѣется, усвоенное изъ пророковъ (ср. 1 Пар. 22, 5; 2 Пар. 9, 11 и 3 Цар. 9, 8). И вотъ на основаніи такихъ данныхъ рецензентъ упрекаетъ Олесницкаго и автора въ „*фальшивыхъ ссылокъ на Библію*“. Мы еще не упомянули объ одной только, кажется, критической мысли въ первой части отзыва: рецензентъ ставитъ въ укоръ автору его утверженіе, что Флавій и Библія навсегда останутся единственными первоисточниками для сужденія о храмѣ, и приводитъ соображеніе, что археологія можетъ въ раскопкахъ Харама-еш-Шефиръ предъявить новыя данныя; но вѣдь это говорить и самъ авторъ на стр. 14. Да и помимо того возраженіе рецензента курьозно: кто запретитъ случаю доставить намъ изъ раскопокъ подлинный планъ скини, нарисованный самимъ Веселиломъ? Такими то условными и часто голословными замѣчаніями или общими, мало касающимися къ дѣлу разсужденіями, исчерпывается главнѣйшая часть отзыва, заключаемая замѣткой о стилистической неаккуратности въ расположеніи многочисленныхъ прибавленій къ труду автора. Очевидно, авторъ отзыва почталъ общія сужденія о трудѣ почти излишними, будучи подавленъ раскрытыми имъ путемъ математическихъ выкладокъ соображеній объ архитектурныхъ промахахъ представленнаго плана. Провѣрить эти выкладки, какъ мы сказали, весьма трудно, ибо читатель здѣсь отводится въ темную область семитологіи, видитъ себя принужденнымъ обращаться къ провѣркѣ разныхъ терминовъ, которымъ въ каждомъ еврейскомъ лексиконѣ приписываются подъ-часъ самыя противорѣчивыя зна-

ченія. Замѣчанія не столь спеціальныя, имѣющія чисто экзегетическій характеръ, малочисленны и подчасъ неубѣдительны. Напримѣръ, достовѣрная, по мнѣнію рецензента, мысль ученыхъ о существованіи храма въ Силомѣ до Давида не есть-ли плодъ фантазіи (ср. 2 Цар. 7, 2)? Или вотъ еще примѣръ напраснаго обвиненія. Авторъ (на стр. 136) переводитъ *παρελιμμένον* чрезъ русское „оставлено“, а рецензентъ отсюда выводитъ, будто авторъ, вопреки грамматикѣ, производитъ сію форму отъ *παραλείπω* (а не отъ *παράλιβένω*). Виновникъ недоразумѣнія, слѣдовательно, не авторъ, а рецензентъ, воображающій, что русскому глаголу „оставлять“ можетъ соответствовать только греческій „*παραλείπειν*“. Но примемъ на вѣру, что всё спеціальныя выкладки рецензента вѣрны, что даже какая-нибудь стѣна въ планѣ диссертации не доходитъ до потолка храма и т. п.; но вѣдь надо помнить, что мы имѣемъ дѣло не практической постройки, ведемъ рѣчь не съ подрядчикомъ архитекторомъ, а съ ученой идеей, что насколько невозможно удержать отъ разрушенія дѣйствительнаго зданія съ косыми стѣнами или крышей, недоходящей до стѣнъ, настолько легко освободить идею отъ математическаго промаха чрезъ поправку какой-либо буквы въ еврейскомъ текстѣ или неправильно сдѣланнаго умноженія или вычитанія цифровыхъ дробей. Эту то простую истину о теоретическомъ, а не хозяйственно-практическомъ значеніи диссертации упустилъ изъ виду нашъ рецензентъ и, увлекшись архитектурой, забылъ о заслугахъ сочиненія въ области исторіи, богословія и философіи, замолчалъ всё достоинства труда, коснувшись ихъ только въ общей фразѣ и такимъ образомъ изъ-за деревьевъ не увидалъ лѣса. Въ вопросахъ спорныхъ наука цѣнитъ эрудицію и силу мысли: о нихъ то и слѣдуетъ болѣе всего говорить въ отзывахъ, а не бороться только съ выводами. Святѣйшій Синодъ удостоилъ степени доктора богословія труды профессоровъ Бердникова и Курганова, не смотря на взаимно противорѣчивые ихъ результаты, но принимая во вниманіе ихъ учено-литературную цѣнность. Тѣмъ болѣе, по моему мнѣнію, представляется основаніе, чтобы Совѣтъ Академіи, допуская даже справедливость нѣкоторыхъ критическихъ соображеній отзыва А. Жданова, не уменьшилъ положительнаго значенія тѣхъ достоинствъ диссертации, которыя указаны въ отзывѣ проф. А. Смирнова, и призналъ ее вполне заслуживающею высшей ученой степени доктора богословія“.

Справка: 1) §§ 141 и 142: „Получающіе въ Академіи канди-